IV. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Информация для цитирования:

Чернядьева Н. А., Васильева Ю. В. Влияние Ялтинской конференции на развитие современного международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 394–423. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

Cherniadeva N.A., Vasilyeva Yu. V. Cherniadeva N. A., Vasilyeva Yu. V. Vliyaniye yaltinskoy konferentsii na razvitie sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Influence of the Yalta Conference on the Development of Modern International Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 394–423. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

УДК 341.18:061.3 (477.75)

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423

ВЛИЯНИЕ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н. А. Чернядьева

Крымский филиал Российского
государственного университета правосудия
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Ю. В. Васильева

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: vasilev95@list.ru

Поступила в редакцию 30.11.2020

Введение: статья посвящена анализу вклада Ялтинской конференции 1945 г. в становление современной международно-правовой системы. По мнению авторов, в настоящее время происходит существенное занижение роли решений данной конференции в формировании действующего международного права. **Цель:** выявить элементы современного международного права, в становлении и развитии которых сыграла роль Ялтинская конференция. **Задачи:** раскрыть роль международных конференций как механизмов развития международного права; показать особенности Ялтинской конференции; исследовать международно-правовые решения, которые принимались в ходе Ялтинской конференции. **Методы:** общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации, формальной логики; метод историко-правового анализа; методы формально-юридического анализа и правового моделирования. **Результаты:** в статье доказывается, что Ялтинская конференция заложила правовые основы для новых значимых международно-правовых предписаний. Основными международно-правовыми достижениями Ялты-1945 предлагается считать: окончательное согласование создания ООН; создание совершенно нового механизма международно-правового управления – Совета Безопасности ООН; участие в формировании новой системы источников международного права; участие в разработке принципиальной основы нового международного права; участие в формировании ряда новых отраслей международного права. **Выводы:** Ялтинская конференция знаменует окончание одной и начало новой эпохи, где в системе управления международно-правовыми отношениями важнейшее место будет занимать ООН. Многие решения, принятые в Ялте, касались будущего международного правопорядка, а не только разрешения геополитических проблем последнего этапа Второй мировой войны.

© Чернядьева Н.А., Васильева Ю. В., 2021

IV. COMPARATIVE LAW AND FOREIGN LAW

Information for citation:

Cherniadeva N.A., Vasilyeva Yu. V. Cherniadeva N. A., Vasilyeva Yu. V. Vliyaniye yaltinskoy konferentsii na razvitie sovremennogo mezhdunarodnogo prava [Influence of the Yalta Conference on the Development of Modern International Law]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2021. Issue 52. Pp. 394–423. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

Чернядьева Н. А., Васильева Ю. В. Влияние Ялтинской конференции на развитие современного международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 52. С. 394–423. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423.

УДК 341.18:061.3 (477.75)

DOI: 10.17072/1995-4190-2021-52-394-423

INFLUENCE OF THE YALTA CONFERENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERN INTERNATIONAL LAW

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University
E-mail: vasilev95@list.ru

Received 30.11.2020

Introduction: the article analyzes the contribution of the Yalta conference of 1945 to the formation of the modern international legal system. We believe that the role the decisions taken at this conference played in the formation of current international law is significantly underestimated these days. The **purpose** of this article was to identify the elements of modern international law the formation and development of which were influenced by the Yalta Conference. For this, the following **objectives** were set and consistently accomplished in the course of research: to determine the role of international conferences as mechanisms for the development of international law; to identify the features of the Yalta conference; to study international legal decisions that were made during the Yalta conference. **Methods:** we applied general scientific methods of analysis, synthesis, interpretation, formal logic. In connection with the study of historical aspects of international legal science, the method of historical and legal analysis played a significant role. Of the specialized legal methodological tools used in the preparation of the article, we note the methods of formal legal analysis and legal modeling. **Results:** the article proves that the Yalta conference laid the legal foundations for new significant international legal regulations. We consider the following to be the main international legal achievements of Yalta-1945: final agreement on the creation of the UN; the creation of a completely new mechanism of international legal governance – the UN Security Council; participation in the formation of a new system of sources of international law; participation in the development of the basis of new international law; participation in the formation of a number of new branches of international law. **Conclusions:** the Yalta Conference marks the end of one era and the beginning of a new one, in which the UN will occupy the most important place in the system of management of international legal relations. Many decisions made in Yalta concerned the future of the international legal order, and not just the resolution of the geopolitical issues of the Second World War at its last stage.

© Чернядьева Н.А., Васильева Ю. В., 2021

Keywords: Yalta conference; international legal system; international law; development of international law; international conference; UN; UN Security Council; international security law

Information in Russian

ВЛИЯНИЕ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н. А. Чернядзева

Крымский филиал Российского
государственного университета правосудия
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Ю. В. Васильева

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
E-mail: vasilev95@list.ru

Поступила в редакцию 30.11.2020

Введение: статья посвящена анализу вклада Ялтинской конференции 1945 г. в становление современной международно-правовой системы. По мнению авторов, в настоящее время происходит существенное занижение роли решений данной конференции в формировании действующего международного права. **Цель:** выявить элементы современного международного права, в становлении и развитии которых сыграла роль Ялтинская конференция. **Задачи:** раскрыть роль международных конференций как механизмов развития международного права; показать особенности Ялтинской конференции; исследовать международно-правовые решения, которые принимались в ходе Ялтинской конференции. **Методы:** общенаучные методы анализа, синтеза, интерпретации, формальной логики; метод историко-правового анализа; методы формально-юридического анализа и правового моделирования. **Результаты:** в статье доказывается, что Ялтинская конференция заложила правовые основы для новых значимых международно-правовых предписаний. Основными международно-правовыми достижениями Ялты-1945 предлагается считать: окончательное согласование создания ООН; создание совершенно нового механизма международно-правового управления – Совета Безопасности ООН; участие в формировании новой системы источников международного права; участие в разработке принципиальной основы нового международного права; участие в формировании ряда новых отраслей международного права. **Выводы:** Ялтинская конференция знаменует окончание одной и начало новой эпохи, где в системе управления международно-правовыми отношениями важнейшее место будет занимать ООН. Многие решения, принятые в Ялте, касались будущего международного правопорядка, а не только разрешения геополитических проблем последнего этапа Второй мировой войны.

Ключевые слова: Ялтинская конференция; международно-правовая система; международное право; развитие международного права; международная конференция; ООН; Совет Безопасности ООН; право международной безопасности

Introduction

The theme of the Yalta conference or, as it is otherwise called, the Crimean conference of 1945 remains insufficiently studied in the international law science. Generally, it can be found in works by specialists in the fields of historical and political sciences, international relations. The bulk of research falls on the period of the 1970-80s. It was at

this time that most of the documents related to the conference and memoirs were published in the participating states [10; 13; 22], a source base for scientific research appeared. The works of S. B. Sosinsky, V. Ya. Sipols and I. A. Chelysheva, A. Yu. Borisov reveal the details of the Crimean conference and present attempts at its historical and political interpretation [6; 37; 40].

Ключевые слова: Ялтинская конференция; международно-правовая система; международное право; развитие международного права; международная конференция; ООН; Совет Безопасности ООН; право международной безопасности

INFLUENCE OF THE YALTA CONFERENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERN INTERNATIONAL LAW

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice
E-mail: chernyadnatalya@yandex.ru

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University
E-mail: vasilev95@list.ru

Received 30.11.2020

Introduction: the article analyzes the contribution of the Yalta conference of 1945 to the formation of the modern international legal system. We believe that the role the decisions taken at this conference played in the formation of current international law is significantly underestimated these days. The **purpose** of this article was to identify the elements of modern international law the formation and development of which were influenced by the Yalta Conference. For this, the following **objectives** were set and consistently accomplished in the course of research: to determine the role of international conferences as mechanisms for the development of international law; to identify the features of the Yalta conference; to study international legal decisions that were made during the Yalta conference. **Methods:** we applied general scientific methods of analysis, synthesis, interpretation, formal logic. In connection with the study of historical aspects of international legal science, the method of historical and legal analysis played a significant role. Of the specialized legal methodological tools used in the preparation of the article, we note the methods of formal legal analysis and legal modeling. **Results:** the article proves that the Yalta conference laid the legal foundations for new significant international legal regulations. We consider the following to be the main international legal achievements of Yalta-1945: final agreement on the creation of the UN; the creation of a completely new mechanism of international legal governance – the UN Security Council; participation in the formation of a new system of sources of international law; participation in the development of the basis of new international law; participation in the formation of a number of new branches of international law. **Conclusions:** the Yalta Conference marks the end of one era and the beginning of a new one, in which the UN will occupy the most important place in the system of management of international legal relations. Many decisions made in Yalta concerned the future of the international legal order, and not just the resolution of the geopolitical issues of the Second World War at its last stage.

Keywords: Yalta conference; international legal system; international law; development of international law; international conference; UN; UN Security Council; international security law

Введение

Тема Ялтинской или, как ее иначе называют, Крымской конференции 1945 г. не относится к разряду разработанных в науке международного права. Как правило, к ней обращаются специалисты в областях исторической, политологической наук, в сфере международных отношений. Примечательно, что основной массив исследований приходится на период 1970–

80-х гг. Именно в это время в государствах-участниках произошла публикация большинства документов конференции, мемуаров и воспоминаний [10; 13; 22], появилась источниковая база для проведения научных исследований. Исследования С. Б. Сосинского, В. Я. Сиполса и И. А. Чельшева, А. Ю. Борисова раскрывают детали проведения Крымской конференции и представляют собой попытки ее историко-политологической интерпретации [6; 37; 40].

Отметим, что до сих пор часть документов Ялты-1945 засекречена. Работа по их обнародованию продолжается. Например, в январе 2020 г., в ознаменование 75-летней годовщины Великой Победы, Министерством обороны РФ были представлены уникальные рассекреченные документы из фондов Центрального архива военного ведомства, посвященные встрече глав трех стран антигитлеровской коалиции [2].

Среди современных работ события Ялты-1945 достаточно подробно описываются в изданном к семидесятилетию Великой Победы 15-томном труде. Четырнадцатый том издания – о дипломатической стороне Великой Отечественной войны, дает объемное представление о Ялтинской конференции [9]. Из отечественных научных работ, написанных за последние годы и посвященных значению Ялтинской конференции, можно отметить серию статей и монографий О. К. Шевченко, отличающихся многоаспектным глубоким анализом событий, связанных с Ялтой 1945 г. [48; 49]. Из зарубежных исследований последних лет – монографии Ф. Дж. Харбатта [66], Ф. Костиглиолы [58], Дж. Рейнолдса [87], Д. Плеша [81], в которых исследование Ялтинской конференции 1945 г. вплетено в канву историко-политических событий Второй мировой войны и послевоенного периода.

В целом можно отметить, что все отечественные и зарубежные работы содержат неоднозначную оценку Ялтинской конференции. О. К. Шевченко показал, что все они традиционно укладываются в две модели: либо подчеркивается незначительность результатов Ялтинской конференции, безрезультатность, узкая специализация по разрешению вопросов, связанных с окончанием войны; либо, напротив, говорится о ее серьезном значении для формирования единого мирового пространства, об удачном примере мирного диалога разных цивилизаций, о высокой результативности диалога враждующих идеологических систем в условиях обоюдных компромиссов [49, с. 15]. Например, Г. Беннет называет ее «всего лишь одной и не самой важной из серии встреч союзников в военное время для решения вопросов, с которыми столкнется послевоенный мир» [53]; А. А. Громыко, наоборот, пишет о решающем для будущего значении Ялтинской конференции: «...именно на ней были определены ос-

новные опоры послевоенного мирового устройства» [12, с. 6].

Таким образом, имеется представительный ряд научных исследований о Крымской конференции 1945 г., в которых раскрывается историческое и политическое значение этой встречи глав государств-союзников. Однако видится совершенно невыразительным взгляд юристов-международников на это событие. Как правило, в международно-правовых исторических исследованиях все ограничивается хрестоматийной констатацией высокой значимости этой конференции для будущего международного права, без аналитического обоснования этого вывода [3, с. 55; 21, с. 73–75]. При скептическом отношении зарубежных исследователей и, практически, отсутствии научной дискуссии о вкладе Ялты 1945 г. в дело формирования международной политико-правовой системы были созданы условия для распространения одностороннего необъективного взгляда на этот форум [23, с. 70].

В последнее время попытки исключить решения этого форума из списка знаковых событий, определивших вектор послевоенного международно-правового развития, стали еще более явными. Так, например, на официальном сайте ООН, в разделе «Страницы истории ООН» указывается, что Устав ООН был разработан на основе предложений, выработанных «представителями Великобритании, Китая, Советского Союза и Соединенных Штатов в Думбартон-Оуксе в августе–октябре 1944 г.» [41]. Ради справедливости укажем, что на сайте ООН Ялтинская конференция упоминается, но лишь в связи с тем, что на ней был ликвидирован «один пробел в предложениях, принятых в Думбартон-Оуксе», а именно установлен порядок голосования в Совете Безопасности ООН. Таким образом, согласно официальной позиции ООН, Ялтинская конференция не может считаться значимым мероприятием, существенно повлиявшим на будущее международно-правовое устройство, в частности на появление ООН. Такая позиция выявляет проблему, имеющую непосредственное отношение к вопросам о роли СССР в основании ООН и о месте России среди стран – учредителей ООН и ведущих держав мира, управляющих современными международно-правовыми отношениями. Представляется, что игнорирование ро-

Some of the Yalta-1945 documents are still classified. The work on their promulgation continues. For example, in January 2020, in commemoration of the 75th anniversary of the Great Victory, the Ministry of Defense of the Russian Federation presented unique declassified documents from the funds of the Central archive of the military department concerning the meeting of the heads of the three countries of the anti-Hitler coalition [2].

Among modern works, the events of Yalta-1945 are described in sufficient detail in a 15-volume work published on the occasion of the seventieth anniversary of the Great Victory. The fourteenth volume of the publication, which deals with the diplomatic aspect of the Great Patriotic War, gives a comprehensive idea of the Yalta conference [9]. Among Russian scientific works written in recent years and devoted to the significance of the Yalta conference, we can note a series of articles and monographs by O.K. Shevchenko, distinguished by a multidimensional in-depth analysis of the events associated with Yalta 1945 [48; 49]. Among foreign research works of recent years, noteworthy are the monographs by F. J. Harbutt [66], F. Costigliola [58], J. Reynolds [87], and D. Plesch [81], in which the study of the Yalta conference of 1945 is intertwined into the canvas of historical political events of the World War II and the post-war period.

Generally, it can be noted that all domestic and foreign research works contain an ambiguous assessment of the Yalta conference. O. K. Shevchenko showed that all works on this topic traditionally fit into two models: they either emphasize the insignificance of the Yalta conference, its ineffectiveness, narrow specialization in resolving issues related to the end of the war; or, on the contrary, note its serious contribution to the formation of a single world space, high effectiveness of the dialogue between warring ideological systems in the context of mutual compromises, consider the conference to be a successful example of a peaceful dialogue between different civilizations [49, p. 15]. For instance, G. Bennett calls it 'just one, and not the most important in a series of Allied wartime meetings to address the issues that would face the post-war world' [53]; A. A. Gromyko, on the contrary, writes about the decisive significance of

the Yalta conference for the future: '... it was at this conference that the main pillars of the post-war world order were determined' [12, p. 6].

Thus, there is a certain amount of scientific research concerning the Crimean Conference of 1945 that reveals the historical and political significance of this meeting of the heads of the allied states. However, the view of international lawyers on this event seems completely inexpressive. Generally, in international legal historical research, everything is limited to a textbook statement of the high significance of this conference for the future of international law, without any analytical substantiation of this conclusion [3, p. 55; 21, pp. 73–75]. In the face of the skeptical attitude of foreign researchers and, alongside with almost full absence of scientific discussion of the contribution of the Yalta 1945 to the international political and legal system, conditions for the spread of a one-sided biased view of this forum were created [23, p. 70].

Recently, attempts to exclude the decisions of this forum from the list of landmark events that determined the vector of post-war international legal development have become even more obvious. Thus, for example, on the UN official website, in the 'Pages of the UN History' section, it is indicated that the UN Charter was developed on the basis of proposals developed by 'representatives of the UK, China, the Soviet Union, and the United States in Dumbarton Oaks in August - October 1944' [41]. For the sake of fairness, we point out that the UN website further mentions the Yalta Conference but only in connection with the fact that 'one gap in the proposals adopted at Dumbarton Oaks' was eliminated at it, namely, the procedure for voting in the UN Security Council was established. Thus, according to the official position of the UN, the Yalta Conference cannot be considered a significant event that substantially influenced the future international legal system, in particular, the emergence of the UN. Such position reveals a problem that is directly related to the issues of the role of the USSR in the founding of the UN and the place of Russia among the founding countries of the UN and among the leading powers of the world that govern modern international legal relations. It seems that ignoring the

ли Ялтинской конференции в создании ООН и развитии современного международного права не соответствует имеющимся историческим и правовым документам и формирует ограниченное представление о развитии международного права в тот период. В связи с этим исключительно важно исследовать роль Ялтинской (Крымской) конференции, посвященной вопросам послевоенного обустройства мира, в формировании действующей модели международной правовой системы.

1. Международные конференции как механизм развития международного права

Общепризнанными источниками международного права считаются международные договоры, международно-правовые обычаи, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями (ст. 38 Статута Международного Суда ООН). Помимо их, в международно-правовой доктрине источниками признаются судебные решения как «доказательство обычной нормы международного права», нормативные резолюции международных организаций, односторонние действия государств [24, с. 205; 56, pp. 183–186; 68, pp. 2–3].

Решения межгосударственных форумов (конференций, совещаний, саммитов) достаточно редко рассматриваются как источники международного права. Формат таких встреч задает специфику как обсуждаемой повестки, так и статуса выработанных решений. Как правило, межгосударственные конференции проводятся с целью обсуждения насущных проблем, согласования политических позиций, выработки курса политического поведения в определенной ситуации. Все это не требует безусловного оформления всех результатов конференции в виде юридически значимого документа. С.В. Черниченко отмечает, что обычно межгосударственные встречи, связанные с обсуждением политических вопросов, порождают рассчитанные на однократное или многократное применение политические обязательства; документы, в которых такие обязательства оформлены, не могут считаться источниками международного права [45, с. 162].

Неправовой характер решений межгосударственных форумов нередко используется в политико-правовой практике как оправдание для отказа от их исполнения [93, pp. 156–157].

Так, вопрос о пересмотре ялтинских соглашений встал практически сразу после окончания Второй мировой войны. Уже на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) (октябрь–ноябрь 1947 г.) представители США, Австралии, Кубы, Филиппин и Аргентины настаивали на пересмотре статей 27, 33, 34, 108, 110 Устава ООН и отмене правила единогласия при принятии решений в Совете Безопасности ООН¹. Согласно позиции этих государств, межгосударственные соглашения 1943–1945 гг. были вызваны военной необходимостью, но «...времена меняются, и политическая обстановка в настоящее время отличается от обстановки 1945 года...»², что позволяет говорить об изменении одного из важнейших положений Устава ООН.

Думается, что нельзя относиться к политическим результатам межгосударственных форумов как к «пустым», необязательным для исполнения, не имеющим значения для международного права. Выскажем несколько соображений по этому поводу.

Во-первых, политические договоренности (политические соглашения; взятые на себя политические обязательства) представляют собой разновидность социальных норм. Соответственно, в отношении них действуют общие правила исполнения социальной нормы: политические обязательства влекут политическую ответственность, их исполнение обеспечивается политическими средствами. Нарушение или отказ от взятых на себя политических обязательств, хотя и не может считаться противоправным, все же должно расцениваться как недостойное, не отвечающее принципу добросовестности, порицаемое поведение.

Во-вторых, в практике международных конференций можно выделить категорию встреч, на которых решались серьезные новые проблемы, затрагивающие мировое сообщество. По справедливому замечанию Г. В. Игнатенко, такие политические решения со временем могут трансформироваться в юридически обязательные документы и приобрести качество источников международного права [30,

¹ Пользование правом вето: доклад Первого комитета. Doc. A/PV.122. Nov. 21. 1947. Art. 115.

² Продолжение обсуждения вопроса о пользовании правом вето. Doc. A/PV.123. Nov. 21. 1947. Art. 116.

role of the Yalta Conference in the creation of the UN and the development of modern international law does not correspond to the existing historical and legal documents, and this forms a limited understanding of the development of international law at that time. In this regard, it seems important to research the role of the Yalta (Crimean) conference, devoted to the issues of the post-war arrangement of the world, in the formation of the current model of the international legal system.

1. International Conferences as a Mechanism for the Development of International Law

The universally recognized sources of international law include international treaties, customs of international law, and general principles of law recognized by civilized nations (Article 38 of the Statute of the International Court of Justice). In addition to them, court decisions as ‘proof of the customary norm of international law’, normative resolutions of international organizations, and unilateral actions of states can be considered as the source of law in the international legal doctrine [24, p. 205; 56, pp. 183–186; 68, pp. 2–3].

The decisions of interstate forums (conferences, meetings, summits) are rarely considered to be sources of international law. The format of such meetings determines the specifics of both the agenda under discussion and the status of the decisions taken. Generally, interstate conferences are held in order to discuss pressing problems, agree on political positions, and develop a course of political behavior in a particular situation. This does not require unconditional registration of all conference results in the form of a legally significant document. S. V. Chernichenko notes that, as a rule, interstate meetings related to the discussion of political issues give rise to political commitments calculated on a single or repeated application; documents in which such obligations are formalized cannot be considered sources of international law [45, p. 162].

The illegal nature of interstate forums decisions is often used in political and legal practice as an excuse for refusing to comply with them [93, pp. 156–157]. Thus, the question of revising the

Yalta agreements arose almost immediately after the end of the World War II. Already at the second session of the UN General Assembly (hereinafter referred to as the UN GA) (October–November 1947), representatives of the United States, Australia, Cuba, the Philippines, and Argentina insisted on revising articles 27, 33, 34, 108, 110 of the UN Charter and the abolition of the unanimity rule in decision-making in the UN Security Council¹. According to these states, the interstate agreements of 1943–1945 were caused by military necessity, but ‘... times are changing, and the political situation at the present time differs from the situation in 1945 ...’², which allows us to speak about a change in one of the most important provisions of the UN Charter.

It seems that one cannot treat the political results of interstate forums as ‘empty’, optional for implementation, and irrelevant for international law. Several considerations can be made on this matter.

Firstly, political arrangements (political agreements; political commitments made) are a kind of social norms. Accordingly, they are subject to general rules for the implementation of the social norm: political obligations entail political responsibility, and their implementation is ensured by political means. Violation or refusal of assumed political obligations, although it cannot be considered unlawful, nevertheless should be regarded as unworthy, not meeting the principle of good faith, and condemned behavior.

Secondly, in the practice of international conferences, one can highlight the category of meetings at which serious new problems affecting the world community were solved. According to the fair remark of G. V. Ignatenko, such political decisions can be transformed into legally binding documents over some period of time and further acquire the quality of sources of international law [30,

¹ The use of the veto: Report of the First Committee. Doc. A/PV.122. Nov. 21. 1947. Art. 115

² Continuation of the discussion on the use of the veto. Doc. A/PV.123. Nov. 21. 1947. Art. 116.

с. 147]. Думается, что трехсторонняя встреча в Ялте в феврале 1945 г. представляет пример такой конференции. Большинство ее решений впоследствии приобрели правовую форму и реализовались в Уставе ООН, иных международно-правовых документах, принятых под эгидой ООН.

В-третьих, с формально-правовой точки зрения выработанное на межгосударственной конференции политическое решение, если оно публично озвучено государством, может оцениваться как его односторонний обязывающий акт. Международный суд ООН в деле об испытании ядерного оружия Францией (1974 г.) отметил: «Общеизвестно, что заявления, сделанные путем одностороннего акта, касающиеся правовых или фактических ситуаций, могут содержать правовые обязательства... Когда государство намерено сделать [одностороннее обязывающее] заявление, ... [оно обязано] соблюдать курс поведения в соответствии с декларацией... заинтересованные государства ... имеют право требовать уважения к созданному таким образом обязательству». В качестве обязательных элементов одностороннего государственного обязательства Международный суд ООН сформулировал два условия: намерение взять обязательство и публичность его подачи. Форма заявления не имеет существенного значения¹.

В международно-правовой науке статус односторонних действий государства как источников международного права подвергается сомнению. Д. Кеннеди, например, считает, что не может быть равным международно-правовой режим документов, основанных на результатах переговоров нескольких государств, и документов, отражающих недоговорную позицию государства по международной повестке: согласованность намерения в договорном порядке обеспечивает юридическую силу источника международного права [73, pp. 49–51]. Тем не менее политические решения, как результат межгосударственной конференции, основаны на общей выработанной воле государств – участников встречи. Поэтому представляется, что согласо-

ванные решения межгосударственных конференций, озвученные государством, могут, в определенных обстоятельствах, признаваться односторонними обязывающими действиями государства источниками международного права.

В-четвертых, политические решения межгосударственных конференций, оформленные в виде документов, могут расцениваться как акты *soft law* [60, p. 361].

Вопрос о правовой природе необязательных международно-правовых документов относится к разряду дискуссионных. М. Н. Шоу, например, отрицает правовую природу мягкого права, но признает возможность его влияния в международной политике [89, pp. 117–11]. М. Рейсман считает, что у норм *soft law* отсутствует важнейший признак международно-правовой нормы – наличие четкого межгосударственного консенсуса по поводу ее содержания [85, p. 135].

С.В. Черниченко является сторонником правового характера *soft law*, но проводит разграничение между политическими нормами и решениями международных конференций, содержащих рекомендательные нормы по критериям: наличие/отсутствие государственных обязательств и юридической природы документа [45, с. 165].

А. Т. Гусман и Т. Л. Мейер называют нормы *soft law* «квазиправовыми» и признают их возможность создавать правовые последствия, если сформированы государствами соответствующие ожидания [65, pp. 219, 221–222].

Р. Хиггинс также считает, что *soft law* обладает правовым регулятивным потенциалом: «Принятие обязательных решений не единственный способ развития [международного] права. Юридические последствия могут также вытекают из действий, которые в формальном смысле не являются “обязательными” [67, p. 25]. Эта точка зрения представляется предпочтительной. Появление в международном праве механизма мягкого права объясняется спецификой международно-правового регулирования, заинтересованностью субъектов в особых, юридически ослабленных правилах, позволяющих более амплитудное поведение без угрозы стать международно-правовым нарушителем.

Таким образом, подводя промежуточный итог, выскажемся в пользу того, что политиче-

с. 147]. It seems that the trilateral meeting in Yalta in February 1945 is an example of such a conference. Most of its decisions subsequently acquired a legal form and were implemented in the UN Charter and other international legal documents adopted under the auspices of the UN.

Thirdly, from a formal legal perspective, a political decision worked out at an interstate conference, in case of it being publicly announced by the state, can be assessed as its unilateral binding act. As noted by the International Court of Justice in the French nuclear test case (1974): ‘It is well recognized that declarations made by way of unilateral acts, concerning legal or factual situations, may have the effect of creating legal obligations. When it is the intention of the state making the declaration that it should become bound according to its terms, that intention confers on the declaration the character of a legal undertaking, the state being thenceforth legally required to follow a course of conduct consistent with the declaration’. As mandatory elements of a unilateral state obligation, the International Court of Justice considers two conditions: the intention to take the obligation and the publicity of its submission. The form of the application is not essential¹.

In international legal science, the status of unilateral actions of the state as sources of international law is questioned. D. Kennedy, for example, believes that the international legal regime of documents based on the results of negotiations of several states and documents reflecting the non-contractual position of the state on the international agenda cannot be equal: consistency of intention in a treaty provides the legal force of the source of international law [73, pp. 49–51]. Nevertheless, political decisions, as a result of the interstate conference, are based on the common developed will of the states participating in the meeting. Therefore, it seems that the agreed decisions of interstate conferences, voiced by the state, can, in certain

circumstances, be recognized as unilateral binding actions of the state – sources of international law.

Fourthly, political decisions of interstate conferences, drawn up in the form of documents, can be regarded as acts of soft law [60, p. 361].

The question of the legal nature of non-binding international legal documents is a controversial one. M. N. Shaw, for example, denies the legal nature of soft law but admits the possibility of its influence in international politics [89, pp. 117–11]. M. Reisman believes that the rules of soft law lack the most important feature of an international legal norm – the presence of a clear interstate consensus on its content [85, p. 135].

S. V. Chenichenko is a supporter of the legal nature of soft law; however, he draws a distinction between political norms and decisions of international conferences containing recommendatory norms (soft law) according to the criteria: presence / absence of state obligations and the legal nature of the document [45, p. 165].

A. T. Guzman and T. L. Meyer call the norms of soft law ‘quasi-legal’ and recognize their ability to create legal consequences if the states form the corresponding expectations [65, pp. 219, 221–222].

R. Higgins also believes that soft law has legal regulatory potential: ‘Making binding decisions is not the only way to develop [international] law. Legal consequences can also arise from actions that in the formal sense cannot be considered ‘mandatory’ [67, p. 25]. This point of view seems more preferable. The emergence of a soft law mechanism in international law is explained by the specifics of international legal regulation, the interest of subjects in special and legally weakened rules that allow more amplitude behavior without the threat of becoming an international legal violator.

Thus, summing up the interim result, let us speak in favor of the fact that political decisions

¹ Case International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders: Nuclear Tests Case (New Zealand v. France) ICJ. Judgment of 20 December 1974. ICJ Reports 1974. Para 46–49. URL: <http://www.icj-cij.org>.

¹International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders: Nuclear Tests Case (New Zealand v. France) ICJ. Judgment of 20 December 1974. ICJ Reports 1974. Para 46–49. Available at: <http://www.icj-cij.org>.

ские решения межгосударственных форумов, в случае если они предполагают юридические изменения, могут создавать условия для развития международного права.

В общем объеме межгосударственных конференций выделяется группа дипломатических встреч на высшем уровне, создавших для своего времени качественно новые условия для международно-правовой действительности. В связи с тем, что начиная с Вестфальских договоров 1648 г. международно-правовые усилия в основном были направлены либо на урегулирование военных конфликтов между великими державами, либо на предотвращение таких войн в будущем, эти конференции, как правило, были связаны с завершением эпохальных международных конфликтов [74, p. 155; 91, p. 117]. Наука международного права признает эти межгосударственные встречи переломными, меняющими лицо международного права и порождающими новый этап его развития [62, pp. 27–35; 64, pp. 13–34].

Становление международно-правовой системы принято связывать с появлением первого общеевропейского международного договора, закрепившего результаты Тридцатилетней войны – Вестфальского мирного трактата (1648г.), объединившего Оснабрюкский и Мюнстерский мирные договоры. По мнению И. И. Лукашука, это международное соглашение подготовило переход к этапу капиталистического международного права [26, с. 25]. А. Бергесен и О. Лизардо полагают, что Вестфальский договор стал началом современного мирового правопорядка [54, pp. 47–49]. Близкую точку зрения высказывает А. МакКеон [76, p. 224].

Вестфальский мирный трактат заложил принципиальные основы современного международного права (равенство государств, уважение государственного суверенитета, приоритет договорного порядка разрешения международных споров) [20, с. 37–38].

Венский конгресс 1815 г. сформулировал основные правила международного дипломатического права, международно-правового режима нейтралитета, заложил основы права международной ответственности государств.

Берлинский конгресс 1878 г. подвел итоги более чем 30-летнего общеевропейского вооруженного конфликта. Берлинский трактат

внес вклад в развитие института международно-правового признания государств (в связи с достижением независимости славянскими государствами Балканского полуострова и Румынией), стал первым многосторонним международно-правовым документом, устанавливающим механизм международно-правовой защиты национальных и конфессиональных меньшинств и провозгласившим равный доступ к осуществлению гражданских и политических прав [16, с. 107].

Парижская мирная конференция 1919–1920 гг. разработала новый механизм обеспечения международной безопасности: международную межправительственную организацию – Лигу Наций, целью которой стало недопущение войны как способа разрешения межгосударственных споров¹.

Думается, что Ялтинскую конференцию 1945 г., как провозгласившую создание ООН и заложившую основы для нового международно-правового порядка, по праву можно рассматривать в одном ряду с вышеназванными межгосударственными конференциями. Повторим, что в отечественной историографии, посвященной Ялте-1945, господствует представление об исключительно высокой международной значимости этой конференции [9, с. 7; 49, с. 4–12].

При этом не может считаться окончательно решенным вопрос о соотношении влияния на будущее международного права результатов Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. и Ялтинской конференции. В основном дискуссия касается оценки событий, послуживших началом современного этапа международного права. Превалируют две точки зрения. Показательно, что обе связывают качественное изменение международно-правового регулирования с окончанием мировых войн.

Согласно первой, переломный момент, обозначивший начало современной международной правовой системы, – это окончание Первой мировой войны и учреждение Лиги Наций в 1919 году. Например, М.-Х. Рэно называет Версальский договор «эскизом и новой метаморфозой (*esquisse une nouvelle metamorphose*)», положившим начало действующему

¹ *Статут* Лиги Наций от 28 июня 1919 г. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1275429>.

of interstate forums, if they imply legal changes, can create conditions for the development of international law.

A group of diplomatic meetings at the highest level, which, for their time, created qualitatively new conditions for international legal reality stand out in the total volume of interstate conferences. Due to the fact that, starting with the Treaties of Westphalia of 1648, international legal efforts were mainly aimed either at resolving military conflicts between the great powers or at preventing such wars in the future, these conferences, as a rule, were associated with the end of epochal international conflicts [74, p. 155; 91, p. 117]. The science of international law recognizes such interstate meetings as turning points changing the face of international law and giving rise to a new stage in its development [62, pp. 27–35; 64, pp. 13–34].

It is customary to associate the formation of the international legal system with the emergence of the first pan-European international treaty that consolidated the results of the Thirty Years' War – The Peace of Westphalia (1648), which united the Peace Treaty of Münster and the Peace Treaty of Osnabrück. According to I. I. Lukashuk, this international agreement prepared the transition to the stage of capitalist international law [26, p. 25]. A. Bergesen and O. Lizardo believe that The Peace of Westphalia was the beginning of the modern world legal order [54, pp. 47–49]. A. McKeon expresses a similar point of view [76, p. 224].

The Peace of Westphalia laid the fundamentals of modern international law (equality of states, respect for state sovereignty, and priority of the treaty procedure for resolving international disputes) [20, pp. 37–38].

The Congress of Vienna of 1815 formulated the basic rules of international diplomatic law, the international legal regime of neutrality, laid the foundations of the law of international responsibility of states.

Congress of Berlin of 1878 summarized the results of more than 30 years of all-European armed conflict. The Berlin Treaty contributed to the development of the institution of the Recogni-

tion of states under international law (in connection with Slavic states of the Balkan Peninsula and Romania achieving independence). It became the first multilateral international legal document establishing a mechanism of international legal protection of national and confessional minorities and proclaiming equal access to implementation of civil and political rights [16, p. 107].

Paris Peace Conference of 1919–1920 developed a new mechanism for ensuring international security: the intergovernmental organization for international cooperation League of Nations whose goal was to prevent war as a way to resolve interstate disputes¹.

It seems that the Yalta Conference of 1945 can rightfully stand alongside with the above-mentioned interstate conferences as the one responsible for proclaiming the creation of the UN and laying the foundations for a new international legal order. Let us repeat that in the national historiography dedicated to Yalta-1945, the idea of the exceptionally high international significance of this conference dominates [9, p. 7; 49, pp. 4–12].

At the same time, the question of the correlation between the results of the Paris Peace Conference of 1919-1920 and the Yalta Conference and their impact on the future of international law cannot be considered definitively resolved. Essentially, the discussion concerns the assessment of events that served as the beginning of the modern stage of international law. Two points of view prevail. It is significant that both associate a qualitative change in international legal regulation with the end of world wars.

According to the first approach, the turning point that marked the beginning of the modern international legal system was the end of the First World War and the establishment of the League of Nations in 1919. For example, M.-H. Renaut calls the Treaty of Versailles 'a sketch and a new metamorphosis (*esquisse une nouvelle metamorphose*)' that laid the foundation for existing international

¹ The Covenant of the League of Nations of June 28, 1919. Available at: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1275429>.

международному праву и социальной свободе [86, p. 161]. М. Мазовер, на основе анализа взглядов основателей Лиги Наций и ООН, показывает их общие идеологические корни и делает вывод о том, что современный международный правопорядок (Лига Наций и ООН) обязан своим появлением кризису британского империализма рубежа XIX–XX вв. [75, pp. 8–9].

Нельзя недооценивать значение мирового правопорядка, основанного на нормах Версальского договора. Благодаря ему появилась и была апробирована первая мировая система обеспечения мира (Версальско-Вашингтонская система). Однако, как справедливо отмечено у С. К. Неффа, этот миропорядок не предполагал справедливого равновесия политических сил на международной арене, разрешал победившим державам произвольно определять судьбу межгосударственных договорных отношений [80, p. 377]. Это объективно повлекло несбалансированность и неуниверсальность системы, что, в свою очередь, спровоцировало новый катастрофический по масштабам и последствиям глобальный вооруженный конфликт и обесценивание предписаний Версальско-Вашингтонской системы.

Поэтому более обоснованной представляется вторая точка зрения, сторонники которой признают ключевым событием, заложившим принципиально новые правила международно-правовых отношений, основание и начало деятельности Организации Объединенных Наций в 1945 г. [19, с. 127; 61, p. 80; 63, pp. 3–4; 89, pp. 30–31].

Е. Т. Усенко, оценивая стабильность и способность к эволютивному развитию системы международного права, указывал, что появление нового или исчезновение старого элемента в ней, и даже значимые изменения в одном из элементов, влекут изменение всей системы в целом [42, с. 205]. Действительно, поступательное развитие международного права исключает возможность сосуществования двух международно-правовых систем: предыдущей и новой. В действующем международном праве происходит постепенная замена устаревших элементов на современные, создаются комплексы норм, качественно соответствующие актуальным вызовам и потребностям мирового сообщества.

В этом плане создание ООН, безусловно, ознаменовало переход к новому качеству международно-правового регулирования, создало совершенно иные условия для сотрудничества государств на мировой арене.

Особо следует сказать об актуальности решений крупных межгосударственных форумов прошлого и сохранении международно-правового регулятивного потенциала их решений. Подчеркнем, что все судьбоносные дипломатические конференции показывают преемственность международно-правового развития и следование сложившимся традициям международного права. Системообразующие основы международного права, сформулированные еще в Вестфальском мирном трактате, такие как уважение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела государства, равенство государств в международных отношениях, принцип баланса сил и признание международного права как основного регулятора межгосударственных отношений [35, с. 97–98], в настоящее время имеют статус общепризнанных принципов международного права и определяют сущность международной правовой системы. В. Н. Зорькин называет основанную на принципе суверенитета Вестфальскую систему лучшей и не видит в перспективе возможности ее замены на более качественную [15]. О сохранении принципов Вестфалия в современном международном правопорядке писал Д. И. Фельдман [44, с. 110].

В связи с этим можно критически отнестись к культивируемой в научной литературе идее о конце Вестфальской (в общем) и Ялтинской (в частности) международно-правовых систем [23, с. 70; 31, с. 183–185]. Представляется, что, при всей изменчивости современных геополитических условий, пока нет оснований говорить об отказе субъектов международного права от базовых международно-правовых принципов.

2. «Ялтинские» новеллы в международной правовой системе

Насколько Ялтинская конференция повлияла на будущее международного права? Или же выработанные на ней решения имели пусть и значимый, но кратковременный эффект, переставший действовать после создания и начала работы ООН? Назовем наиболее важные международно-правовые достижения Ялты.

law and social freedom [86, p. 161]. M. Mazover shows the common ideological roots of both organizations based on an analysis of the views of the founders of the League of Nations and the UN. He concludes that the modern international legal order (the League of Nations and the UN) owes its appearance to the crisis of British imperialism at the turn of the 19th and 20th centuries [75, pp. 8–9].

We cannot underestimate the importance of a world legal order based on the norms of the Treaty of Versailles. Thanks to it, the first world peace-keeping system (Versailles-Washington system) appeared and was tested. However, as was reasonably noted by S. K. Neff, this world order did not imply a fair balance of political forces in the international arena, and it allowed the victorious powers to arbitrarily determine the fate of interstate contractual relations [80, p. 377]. This objectively led to an imbalance and non-universality of the system, which, in turn, provoked a new global armed conflict, catastrophic in scale and consequences, and a devaluation of the prescriptions of the Versailles-Washington system.

Therefore, the second approach seems to be more reasonable. The supporters of the second approach recognize the foundation and the beginning of the activities of the United Nations (UN) in 1945 as the key event that laid fundamentally new rules of international legal relations [19, p. 127; 61, p. 80; 63, pp. 3–4; 89, pp. 30–31].

Assessing the stability of the international law system and its capabilities with regard to evolutionary development, E. T. Usenko pointed out that the appearance of a new element, or disappearance of an old one in it, and even significant changes in one of the elements entail a change in the entire system [42, p. 205]. Indeed, the progressive development of international law excludes the possibility of coexistence of two international legal systems: the previous and the new. Gradual replacement of obsolete elements with modern ones is taking place in the current international law. Complexes of norms that correspond to the current challenges and needs of the world community are being created.

In this regard, the foundation of the UN undoubtedly marked the transition to a new quality of international legal regulation, and it created completely different conditions for cooperation between states in the world arena.

The last aspect that needs to be considered on the stated issue is the relevance of decisions of large interstate forums of the past and the preservation of the international legal regulatory potential of their decisions. First, let us highlight that all the most fateful diplomatic conferences show the continuity of international legal development and adherence to the established traditions of international law. The foundations that form the system of international law that were formulated in the Westphalian Peace Treaty, such as the respect for state sovereignty, the principle of non-interference in the internal affairs of other sovereign states, equality of states in international relations, the principle of balance of power, and recognition of international law as the main regulator of interstate relations [35, p. 97–98], currently have the status of generally recognized principles of international law and determine the essence of the international legal system. V. N. Zorkin calls the Westphalian system, which is based on the principle of sovereignty, the best and does not see any possibility of replacing it with a better one in the future [15]. D. I. Feldman wrote about the preservation of the principles of the Westphalian Peace in the modern international legal order [44, p. 110].

In this regard, one can take a critical attitude to the idea of the ending of the Westphalian (in general) and Yalta (in particular) international legal system, cultivated in the scientific literature [23, p. 70; 31, pp. 183–185]. It seems that there is still no reason to speak about the refusal of the subjects of international law from basic international legal principles, taking into consideration all the variability of modern geopolitical conditions

2. The ‘Yalta’ Innovations in the International Legal System

How much did the Yalta Conference influence the future of international law? Or did the decisions taken have a significant but short-term effect that ceased to work after the creation of the UN and the start of its work? Let us name the most important international legal achievements of the Yalta.

Окончательное согласование учреждения ООН как базовой, авторитетной, международной универсальной организации

Началом организации ООН принято считать так называемую Атлантическую конференцию, проведенную США и Великобританией в августе 1941 г. [47, с. 398–411]. Интересно, что эта встреча, организованная в условиях как начала военной кампании против СССР, когда ее перспективы для нашего государства выглядели тревожно, так и пока еще неучастия США во Второй мировой войне, имела целью обсуждение вопроса о послевоенном мировом устройстве: перераспределении сфер политического и экономического влияния между будущими победителями – американцами и англичанами.

Анализ положений Атлантической хартии, в частности пункта 5, на который принято ссылаться как на первое международно-правовое закрепление будущей ООН, не позволяет сделать однозначный вывод о намерении авторов Хартии создать универсальную международную организацию, обеспечивающую мир и безопасность. В этом пункте говорится о желании подписантов «...способствовать в полной мере сотрудничеству между всеми государствами в экономической области с целью всеобщего обеспечения более совершенных условий труда, экономического прогресса и социальной безопасности»¹, что слабо напоминает основные цели создания ООН. В двух следующих пунктах высказывается надежда на «...установление мира, который предоставит всем государствам возможность жить в безопасности в их собственных границах и который позволит гарантировать, что все люди на земле смогут жить в условиях свободы от страха и лишений» и возможность для всех людей «...беспрепятственно пересекать открытое море и океаны». Эти идеи, безусловно, имеющие международно-правовой характер, в дальнейшем были отражены в документах ООН, но не свидетельствуют о намерении государств создать новую международную организацию.

На сайте ООН Атлантическая хартия называется документом, который подтверждает «...некоторые общие принципы национальной политики ... США и Великобритании...», прин-

ципы, на которых они базировали свои надежды на лучшее будущее мира». Эта оценка представляется справедливой и объективной.

В связи с этим показательно, что в документах Ялтинской конференции Атлантическая хартия упоминается лишь в Декларации об освобожденной Европе, по вопросам восстановления демократических режимов в послевоенных европейских государствах².

Думается, что Атлантическая конференция 1941 г. была в значительной мере сепаратным мероприятием, демонстрирующим односторонние планы государств-участников на управление мировым правопорядком без привлечения других стран, воюющих против фашистской Германии. В СССР это хорошо понимали. По словам И.В. Сталина, «... невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР» [77, р. 189]. Поэтому, несмотря на принципиальное согласие на присоединение к положениям Хартии, СССР сразу настаивал на пересмотре ее положений и установлении равноправных союзнических отношений как во время текущей войны, так и после нее.

Таким образом, оценка Атлантической хартии как первого шага в создании ООН представляется завышенной.

Еще одним шагом к созданию ООН считается Декларация Объединенных Наций, подписанная 1 января 1942 г. Ее содержание было подготовлено совместно «большой четверкой» (США, Великобритания, СССР и Китай)³. Однако этот документ, в контексте создания ООН, примечателен лишь тем, что в нем впервые прозвучал термин «объединенные нации», который впоследствии приобрел именное значение для международной организации. Никаких существенных признаков будущего универсального объединения в этом документе не раскрывалось.

Более значимыми представляются результаты Московской конференции министров ино-

² *Crimea (Yalta) Conference, 1945. Report signed at Yalta February 11, 1945. Pp. 1008-1009 // Treaties and other international agreements of the United States of America, 1776-1949. T. 3: Multilateral Agreements 1931-1945. 1968. Washington, D.C., Dept. of State. Pp 1006-1014. URL: <https://archive.org/details/treatiesotherint01unit>.*

³ 1942: Declaration of The United Nations // The Yearbook of the United Nations. N.Y., 1947. P. 1.

Final Agreement on the Creation of UN as a Basic, Authoritative, International Universal Organization

The so-called Atlantic Conference, held by the USA and the UK in August 1941, is considered starting point for the UN organization [47, pp. 398-411]. This meeting was organized in the context of a military campaign against the USSR being launched, when the perspectives of this campaign looked alarming for the USSR. Noteworthy is that the United States was not yet participating in World War II at that time. The meeting was aimed at discussing the post-war world order: the redistribution of spheres of political and economic influence between the future winners: the Americans and the British.

The analysis of the provisions of the Atlantic Charter, in particular paragraph 5, which is usually referred to as the first international legal enshrinement of the future UN, does not allow for an unambiguous conclusion about the intention of the authors of the Charter to create a universal international organization that ensures peace and security. This paragraph speaks of the desire of the signatories '... to bring about the fullest collaboration between all nations in the economic field with the object of securing, for all, improved labor standards, economic advancement, and social security', which barely resembles the main goals of the UN¹. In the next two paragraphs, the hope is expressed for '... to see established a peace which will afford to all nations the means of dwelling in safety within their own boundaries, and which will afford assurance that all the men in all the lands may live out their lives in freedom from fear and want' and an opportunity for all people '... to traverse the high seas and oceans without hindrance'. These ideas, undoubtedly having an international legal character, were later reflected in UN documents, but they did not indicate the will of states to create a new international organization.

On the UN website, the Atlantic Charter is called a document that confirms '... certain common principles in the national policies of their re-

spective countries... the United States and the UK ..., the principles on which they based their hopes for a better future for the world'. This assessment appears to be fair and objective.

In this regard, it is significant that throughout all the documents regarding the Yalta Conference, the Atlantic Charter is mentioned only in the Declaration on Liberated Europe, on the restoration of democratic regimes in post-war European states².

It seems that the Atlantic Conference of 1941 was to a large extent a separate event that was mostly demonstrating the unilateral plans of the participating states to manage the world law and order without involving other countries fighting against Nazi Germany. The USSR understood this well. According to J.V. Stalin '... the impression is involuntarily created that the Atlantic Charter is directed not against those people who seek to establish world domination, but against the USSR' [77, p. 189]. Therefore, despite the principled agreement to accede to the provisions of the Charter, the USSR immediately insisted on revising its provisions and establishing equal allied relations both during the current war and after it.

Thus, the assessment of the Atlantic Charter as the first step in the creation of the UN seems overestimated.

The Declaration of the United Nations, signed on January 1, 1942, can be considered another step towards the creation of the UN. Its content was prepared jointly by the Big Four (The USA, The UK, The USSR, and China)³. However, this document, in the context of the creation of the UN, is remarkable only for the fact that the term 'United Nations' was first mentioned in it, which later acquired a nominal meaning for an international organization. No essential signs of a future universal association were disclosed in this document.

The results of the 1943 Moscow Conference of Foreign Ministers of the USSR, the USA,

² *Crimea (Yalta) Conference, 1945. Report signed at Yalta on February 11, 1945. Pp. 1008-1009. Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776-1949. Washington, D.C., Dept. of State. 1968. Vol. 3. Multilateral Agreements 1931-1945. Pp. 1006-1014. Available at: <https://archive.org/details/treatiesotherint01unit>.*

³ 1942: Declaration of the United Nations. *The Yearbook of the United Nations*. N.Y. 1947. P. 1.

¹ *The Atlantic Charter // The Yearbook of the United Nations*. N.Y., 1947. P. 2.

странных дел СССР, США, Великобритании и Китая 1943 г., на которой была принята Московская декларация о всеобщей безопасности (Декларация четырех государств), в 4-м пункте которой признается необходимость «...учреждения в ближайшее возможное время универсальной международной организации, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые, [имеющие целью] поддержание международного мира и безопасности»¹.

Таким образом, можно признать, что история ООН начинается именно с московской конференции 1943 г. В Декларации четырех государств уже прослеживаются очертания будущей ООН: уточнена основная цель будущей организации, согласованы ее открытый для всех государств характер, общемировой масштаб деятельности и некоторые принципы (суверенитет и равенство всех государств).

Следующим значимым шагом в деле создания ООН стали переговоры в Думбартон-Оукс в августе – октябре 1944 г. Еще до начала переговоров США, Великобритания и СССР подготовили проекты меморандумов, в которых предложили свои варианты основных параметров будущей универсальной организации. Так же, как и на Московской конференции 1943 г., за основу для обсуждения союзниками был взят советский меморандум [5, с. 361–365]. В течение ограниченного периода (по факту, за один месяц, с 21 августа по 28 сентября 1944 г. – на первом этапе, в котором участвовали представители США, Великобритании, СССР) удалось согласовать следующие вопросы:

– окончательно определить цель создания новой универсальной организации. Напомним, что ко времени встречи в Думбартон-Оукс были высказаны две идеи: США и Великобритания в Атлантической хартии 1941 г. согласовали преимущественно экономический характер («создание более совершенных условий труда, экономического прогресса и социальной безопасности»); в Московской декларации 1943 г., по инициативе СССР, было зафиксировано пожелание об учреждении организации в целях поддержания международного мира и безопасности. Как показывают документы Думбартон-

Оукс, вопрос о цели новой организации еще оставался дискуссионным². В итоге участники согласовали предложение СССР о признании международной безопасности и поддержании мира основной целью, в качестве дополнительных целей провозглашались «развитие дружественных отношений между нациями и осуществление международного сотрудничества в области экономических и социальных вопросов»³;

– сформулировать принципы деятельности ООН. Помимо уже согласованного на Московской конференции 1943 г. «принципа суверенного равенства всех миролюбивых государств», будущие участники организации должны взять на себя обязательства «разрешать свои споры мирными средствами», «отказаться от угрозы силой ее использования», «оказывать всемерную помощь новой организации», «воздерживаться от оказания помощи государствам, против которого организацией предприняты меры превентивного или принудительного характера»⁴. В дальнейшем эти идеи были закреплены в статьях 1 и 2 Устава ООН;

– определить систему и наметить полномочия главных органов будущей организации. Единодушно было решено, что таковыми станут Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности (СБ), Международный суд, Секретариат. В качестве «вспомогательного органа» было согласовано учреждение Экономического и Социального совета (ЭКОСОС), принимающего рекомендательные решения по вопросам экономического и социального сотрудничества государств;

– создать базовый алгоритм разрешения международных споров, «угрожающих международному миру и безопасности, включая предотвращение и подавление агрессии». Решающая роль в этом процессе отводилась Совету Безопасности ООН⁵.

² Предложения относительно создания всеобщей международной организации безопасности // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 2. С. 243–259.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сб. док. / МИД СССР. М.: Политиздат, 1978. Т. 3: Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 авг. – 28 сент. 1944 г.). С. 241.

⁴ Там же. С. 229–230.

⁵ *Proposals for the Establishment of a General International Organization* // *The Yearbook of the United Nations*. N.Y., 1947. Pp. 4–9.

the UK, and China, at which the Moscow Declaration on General Security was adopted, can be considered more significant. In paragraph 4 of this declaration, the necessity ‘...of establishing at the earliest practicable date a general international organization, based on the principle of sovereign equality of all peace-loving States, and open membership by all such States, large and small, for the maintenance of international peace and security’¹ is recognized.

Thus, it can be recognized that the history of the UN begins precisely with the Moscow conference of 1943. The outlines of the future UN are already traced in the Declaration of the four states: the main goal of the future organization has been clarified, its open to all states character, the global scale of activity and some principles (Sovereign equality of states) have been agreed.

The negotiations in Dumbarton Oaks in August - October 1944 can be considered as the next significant step in the creation of the UN. Even before the negotiations began, the United States, the UK, and the USSR prepared draft memorandums in which they proposed their own versions of the main parameters of the future universal organization. The same, as at the 1943 Moscow conference, the Soviet memorandum was taken as the basis for discussion by the Allies [5, pp. 361-365]. Within a limited time (in fact, during only one month, from August 21 to September 28 of 1944, at the first stage in which representatives of the USA, the UK, and the USSR participated), the following issues were agreed upon:

– to finally determine the goal of creating a new universal organization. It is worth reminding that by the time of the meeting in Dumbarton Oaks two ideas were expressed: The United States and the UK agreed on a predominantly economic nature in the Atlantic Charter of 1941 (‘creating better working conditions, economic progress, and social security’). The Moscow Declaration of 1943, at the initiative of the USSR, recorded the desire to establish an organization in order to maintain international peace and security. As the Dumbarton Oaks documents show, the purpose of the

new organization was still controversial². As a result, the participants agreed on the USSR’s proposal on recognizing international security and maintaining peace as the main goal and ‘the development of friendly relations between nations, and the implementation of international cooperation in the field of economic and social issues’ were proclaimed as additional goals³;

– to formulate the principles of the UN. In addition to the ‘principle of sovereign equality of all peace-loving states’ already agreed at the Moscow conference in 1943, future members of the organization must commit themselves to ‘settle their international disputes by peaceful means in such a manner that international peace and security, and justice are not endangered’, ‘refrain in their international relations from the threat or use of force’, ‘give the new organization every assistance in any action it takes’, ‘refrain from giving assistance to any state against which the United Nations is taking preventive or enforcement action’⁴. Subsequently, all these ideas were enshrined in Articles 1 and 2 of the UN Charter.

– to define the system and outline the authority of the main bodies of the future organization. It was unanimously decided that such would be the General Assembly, the Security Council, the International Court of Justice, and the Secretariat. The establishment of United Nations Economic and Social Council (ECOSOC), which makes recommendatory decisions on issues of economic and social cooperation between states, was considered as a ‘subsidiary body’.

– to create a basic algorithm for resolving international disputes ‘threatening international peace and security, including the prevention and suppression of aggression’. The decisive role in this process was assigned to the UN Security Council⁵.

² Proposals for the creation of a general international security organization. *Foreign Policy of the USSR During the Great Patriotic War*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1947. Vol. 2. Pp. 243–259.

³ The USSR at International Conferences During the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of documents of the USSR Ministry of Foreign Affairs. Moscow: Politizdat Publ., 1978. Vol. 3. Conference of the representatives of the USSR, the USA and the UK in Dumbarton Oaks (August 21 - September 28, 1944). P. 241.

⁴ *Ibid.* Vol. 3. Pp. 229–230.

⁵ Proposals for the establishment of a General International Organization. *The Yearbook of the United Nations*. N.Y., 1947. Pp. 4–9.

¹ *The Moscow Declaration of General Security* // *Ibid.* P. 3.

¹ *The Moscow Declaration of General Security. Ibid.* P. 3.

Западная юридическая наука считает встречу в Думбартон-Оукс определяющей для создания ООН [69, p. 32 and next]. ООН, как уже было сказано, официально поддерживает эту установку, подчеркивая, что именно на этой конференции были согласованы все важнейшие вопросы правового статуса этой международной организации.

В дальнейшем отечественные исследователи, без достаточного объективного анализа и научно-критического отношения, стали тиражировать эту устоявшуюся за рубежом версию в своих работах [18, с. 79]. Думается, что такое комплементарное отношение к переговорам в Думбартон-Оукс требует коррекции. Оно не учитывает всех факторов и отражает односторонний взгляд на проблему создания ООН и современного международно-правового порядка.

Во-первых, сложно согласиться, как это заявлено на сайте ООН, что все аспекты создания ООН, за исключением «одного пробела – порядка голосования в Совете Безопасности ООН» [41], были согласованы в Думбартон-Оукс.

Сразу после этой встречи ее вклад в создание будущей ООН хорошо понимался участниками. Так, в итоговом совместном коммюнике указывалось, что «переговоры ... привели в большой степени к соглашению о *рекомендациях по вопросу общего плана* организации и, в частности, в отношении механизма, необходимого для поддержания мира и безопасности»¹.

Ф. Рузвельт по итогам встречи в Думбартон-Оукс не был уверен в успехе создания ООН и считал, что на тот момент удалось лишь *наметить* контуры новой организации [9, с. 32].

Наиболее сложные вопросы будущего международно-правового порядка даже не предполагались для обсуждения на этой встрече. Все меморандумы государств-участников были близки по содержанию. По словам И. В. Сталина, «характерным для этой конференции, является ... то, что девять десятых вопросов безопасности были разрешены на этой конференции в духе полного единодушия» [17, с. 310].

Единственный политически и юридически значимый вопрос, по которому были разногласия в меморандумах участников, – это порядок голосования в СБ ООН, действительно ставший

камнем преткновения. Позиция США и Великобритании, согласно которой государства – члены СБ ООН, являющиеся участниками международного конфликта, не могут участвовать в голосовании, соответственно, не имеют права применить veto, не была поддержана СССР. Наше государство настаивало на безусловном единогласии всех постоянных членов СБ ООН. Вопрос о порядке голосования в ООН получил свое разрешение лишь на Ялтинской конференции, причем в варианте, предложенном советской стороной и предусматривающем единогласие великих держав – учредителей ООН [8, с. 577–578].

В Думбартон-Оукс не обсуждался ряд вопросов, имеющих важное значение для будущего международно-правового порядка, они были рассмотрены позже, в т. ч. и на Ялтинской конференции. Назовем их:

- не обсуждался вопрос о судьбе Лиги Наций, в т. ч. о ее ликвидации и правопреемстве;
- не были разграничены полномочия Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности ООН;
- не был решен вопрос о правовом статусе Международного суда ООН (МС ООН), даже не была согласована базовая модель статута МС ООН²;
- не были определены критерии и условия членства в новой международной организации;
- не была решена дилемма между планируемой универсальностью новой организации и сохранением ведущей роли мировых держав в управлении международным правовым порядком;
- лишь пунктирно были намечены миротворческие функции организации и осталась неясность в плане того, как они будут соотноситься с идеей государственного суверенитета;
- не обсуждалась проблема нового, послевоенного, мирового устройства, предполагающего изменение политической карты мира, освобождение подмандатных, колониальных, оккупированных территорий.

Во-вторых, неверно оценивать встречу в Думбартон-Оукс как полноценную международную конференцию, имеющую своей целью изменение международного политико-правового характера. Формально она имела статус

Western legal scholarship considers the Dumbarton Oaks Conference to be decisive for the creation of the UN [69, p. 32 and next]. As already mentioned in the introduction above, the UN officially supports this position, emphasizing that it was at this conference that all the most important issues of the legal status of this international organization were agreed upon.

Later, Russian researchers began to replicate this well-established abroad version in their works without any sufficient objective analysis and any scientific-critical attitude [18, p. 79]. It seems that such a complementary attitude to the negotiations in Dumbarton Oaks requires correction. Such attitude does not take into account all factors and reflects a one-sided view of the problem of creating the UN and the modern international legal order.

First, it is difficult to agree that all aspects of the creation of the UN, with the exception of ‘one gap – the procedure for voting in the UN Security Council’ as stated on the UN website [41], were agreed in Dumbarton Oaks.

Immediately after this meeting, its contribution to the future UN was well understood by the participants. Thus, in the final joint communiqué it was indicated that ‘the negotiations ... led to a large extent to agreement on *recommendations on the general plan* of the organization and, in particular, on the mechanism necessary to maintain peace and security’¹.

F. D. Roosevelt, following the meeting in Dumbarton Oaks, was not sure of the success of the creation of the UN and believed that at that time it was only possible to *outline* the contours of the new organization [9, p. 32].

The most difficult issues of the future international legal order were not even supposed to be discussed at this meeting. All memoranda of the participating states were similar in content. According to J. V. Stalin ‘It is characteristic of this conference ... that nine-tenths of security issues were resolved at this conference in a spirit of complete unanimity’ [17, p. 310].

The only politically and legally significant issue on which there were disagreements in the participants’ memoranda was the procedure for voting in the UN Security Council, which indeed became

a stumbling block. The position of the United States and the UK according to which the member states of the UN Security Council that are parties to an international conflict cannot participate in the vote and therefore have no right to apply veto was not supported by the USSR. USSR insisted on the unconditional unanimity of all permanent members of the UN Security Council. The question of the procedure for voting in the UN received its permission only at the Yalta conference and in the version proposed by the Soviet side, which provides for the unanimity of the great powers – the founders of the UN [8, pp. 577–578].

A number of topics that were important for the future international legal order, clarity on which appeared later, including at the Yalta Conference, were not discussed at Dumbarton Oaks.

Let us name them:

- the question of the fate of the League of Nations, including its liquidation and legal succession, was not discussed;
- the powers of the UN General Assembly and the UN Security Council were not clearly delineated;
- the issue of the legal status of the International Court of Justice (hereinafter referred to as ICJ) was not resolved, and even the basic model of the statute of the ICJ was not even agreed upon²;
- the criteria and conditions for membership in the new international organization have not been determined;
- the dilemma between the planned universality of the new organization and the preservation of the leading role of world powers in the management of the international legal order was not resolved;
- the organization’s peacekeeping functions were outlined indistinctly, and it remained unclear how they would relate to the idea of state sovereignty;
- the problem of a new post-war world order, which implies a change in the political maps of the world, the liberation of the sub-mandate, colonial, occupied territories, was not discussed.

Second, it seems wrong to evaluate the Dumbarton Oaks meeting as a full-fledged international conference aimed at changing the international

¹ Советский Союз на международных конференциях... Т. 3. С. 213.

² *Proposals for the Establishment of a General International Organization*. Chapter VII. P. 7.

¹ *The USSR at International Conferences...* Vol. 3. P. 213.

² *Proposals for the establishment of a General International Organization*. Chapter VII. P. 7.

предварительных неофициальных переговоров¹. Это объясняет круг руководящих лиц делегаций, хотя и имеющих высокие должности в органах внешних сношений государств-участников, но не являющихся первыми лицами: от имени СССР – А. А. Громыко (посол СССР в США); от имени США – Э. Стеттиниус (государственный секретарь США); от имени Великобритании – А. Кадоган (заместитель министра иностранных дел Великобритании); от имени Китая – В. Ку (дипломат и политический деятель Китая).

Фактически это была рабочая встреча, формат которой предполагал глубокое обсуждение текущих вопросов, выработку проектов решений для последующего вынесения их на конференцию высокого уровня, где они должны быть окончательно согласованы и приняты.

О подготовительном характере встречи в Думбартон-Оукс косвенно свидетельствует то, что США даже не включили ее протоколы и иные документы в перечень международно-правовых документов США, в отличие от документов Ялтинской конференции (коммюнике, протоколы и соглашения)².

«Рабочий характер» итоговых документов Думбартон-Оукс подтверждается также и огромным, по словам А. А. Панкина, первого заместителя Постоянного представителя РФ при ООН (2010-2014), в виде тонн документов [81, р. 13], объемом последующих поправок и уточнений. Так, только Великобритания сформулировала более 900 предложений [32, с. 179]. В США было напечатано более 2 млн копий итогового документа Думбартон-Оукс, которые впоследствии обсуждались в общенациональном масштабе [82, р. 168].

Таким образом, безусловно, стоит согласиться с авторами, сделавшими вывод о существенном вкладе встречи в Думбартон-Оукс в будущую модель ООН. Но представляется необъективным считать эти переговоры решающими для определения правового статуса ООН. Создание этой организации, как сложный и дели-

катный процесс, определенно растянуто во времени. Помимо обозначенных в настоящей статье вех, вспомним, что вопросы будущей универсальной организации обсуждались во время двух визитов У. Черчилля в Москву (1942, 1944 гг.), визита В.М. Молотова в Вашингтон (1942 г.), в Каире и Тегеране (1943 г.), а также в постоянной дипломатической переписке СССР, США и Великобритании (1941–1945 гг.).

Стоит согласиться с мнением С. Плохия, что «... до Ялты ООН все еще была под большим сомнением...» [83, р. 444]. Именно на Ялтинской конференции были подведены итоги всей предварительной работы по созданию ООН и принято итоговое решение, ознаменовавшее новую эпоху международно-правовых отношений в едином мировом пространстве суверенных равных государств.

Создание ООН признавалось советской стороной ключевым вопросом на Ялтинской конференции. В общем Коммюнике Крымской (Ялтинской) конференции три руководителя государств-союзников заявили: «Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности ... Мы договорились, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах, будет созвана Конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить устав такой организации соответственно положениям, принятым во время официальных совещаний в Думбартон-Оуксе»³.

Новая универсальная организация означала для нашего государства равные возможности государств в решении вопросов мирового уровня и формирование эффективного международно-правового механизма сдерживания военной агрессии в будущем [81, р. 13]. Близкую позицию занимала американская делегация. Ф. Рузвельт считал создание ООН целью № 1 во внешней политике США: «Эта конференция означает конец односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, системы равновесия сил и всех других способов, к которым прибегали на протяжении столетий и которые не имели успеха» [33, с. 188].

³ *Crimea (Yalta) Conference, 1945. Report signed at Yalta February 11, 1945 (conference at Malta and Yalta).* P. 1008. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000003-1005.pdf>.

political and legal nature. Formally, it had the status of *preliminary informal negotiations*¹. This explains the circle of senior officials of delegations who are not representatives of states but have high positions in the foreign affairs bodies of the participating states. The circle of leading persons of the delegations was represented by: on behalf of the USSR – A. A. Gromyko (USSR ambassador to the USA); on behalf of the United States – E. Stettinius (United States secretary of state); on behalf of the UK – A. Cadogan (Deputy Foreign Secretary of the UK); on behalf of China – V. Ku (a diplomat and politician from China).

In fact, it was a business meeting. The format this meeting assumed a deep discussion of current issues and the development of draft decisions for their subsequent submission to a high-level conference where these decisions should be finally agreed and adopted.

The fact that the United States did not even include its protocols and other documents in the list of US international legal documents, in contrast to the documents of the Yalta Conference (communiqués, protocols and agreements), can be considered as an indirect evidence of the preparatory nature of the Dumbarton Oaks meeting².

According to A. A. Pankin – First Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the UN (2010-2014), the ‘efficiency’ of the final documents of Dumbarton Oaks is confirmed by the huge volume of subsequent amendments and clarifications [81, p. 13]. Thus, the UK alone has formulated more than 900 proposals [32, p. 179]. More than 2 million copies of the Dumbarton Oaks final document were printed in the United States and subsequently discussed nationwide [82, p. 168].

Thus, it is certainly worth agreeing with the authors who concluded that the Dumbarton Oaks meeting had made a significant contribution to the future model of the UN. However, it seems biased to consider these negotiations decisive for determining the legal status of the UN. The creation of

¹ Joint communiqué of representatives of the USSR, the USA and the UK following the conference in Dumbarton Oaks (September 29, 1944). *The USSR at International Conferences...* Vol. 3. P. 228.

² *Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776-1949.* Washington, D.C., Dept. of State. 1968. Vol. 3 (1931-1945) P. III–X. Contents. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans.php>.

this organization, as a complex and delicate process, is definitely stretched out in time. In addition to the milestones outlined in this work, we recall that the issues of the future universal organization were discussed during two visits of W. Churchill to Moscow (1942, 1944), V. M. Molotov’s visit to Washington (1942), in Cairo and Tehran (1943), and also in constant diplomatic correspondence between the USSR, the USA, and the UK (1941–1945).

We should agree with the opinion of S. Plokhii that ‘...before Yalta, the UN was still in great doubt ...’ [83, p. 444]. It was at the Yalta conference that the results of all preliminary work on the creation of the UN were summarized, and the final decision, which marked a new era of international legal relations that presupposed a single world space of sovereign equal states, was adopted.

The Soviet side considered the UN question as the key issue at the Yalta Conference. In the general Communiqué of the Crimean (Yalta) Conference, the three leaders of the allied states stated: ‘We are resolved upon the earliest possible establishment with our allies of a general international organization to maintain peace and security... We have agreed that a conference of United Nations should be called to meet at San Francisco in the United States on April 25th, 1945, to prepare the charter of such an organization, along the lines proposed in the informal conversation at Dumbarton Oaks’³.

For the USSR, the new universal organization meant a level playing field for states in world affairs (equal opportunities for states in resolving world-class issues) and the formation of an effective international legal mechanism to deter military aggression in the future [81, p. 13]. The American delegation expressed a similar position. F. Roosevelt considered the creation of the United Nations as the No. 1 objective in US foreign policy: ‘It ought to spell the end of the system of unilateral action, the power of exclusive alliances, the sphere of influence, the balances of power, and all the other expedients that have been tried for centuries – and have always failed’ [33, p. 188].

³ *Crimea (Yalta) Conference, 1945. Report signed at Yalta on February 11, 1945. (Conference at Malta and Yalta).* P. 1008. Available at: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000003-1005.pdf>.

Таким образом, СССР и США придерживались, по сути, единого плана, стержнем которого стала единая мировая организация, призванная заменить многочисленные сепаратные межгосударственные механизмы, направленные на обеспечение мира и международной безопасности.

Именно в Ялте рождение ООН стало состоявшимся фактом. В дальнейшем, конечно, продолжалось обсуждение деталей и политической борьбы за государственные преференции на новой глобальной политической площадке, но, как верно отметил О. К. Шевченко, это был уровень тактической, а не стратегической борьбы [48, с. 176–177].

Важным направлением в повестке Ялтинской конференции стало определение ключевых положений устава новой организации. Среди них первое – это создание таких предписаний, которые обеспечат сохранение длительного мира, невозможность новой мировой войны. По мнению И. В. Сталина, залогом должно стать единство трех держав – участников конференции, к которым следует прибавить Францию и Китай: «Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача»¹. Близкую идею позже высказал Ф. Рузвельт: «... не может быть среднего решения [по поводу создания ООН]... Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы должны будем нести ответственность за мировой конфликт» [8, с. 507].

Триумвират держав по-настоящему сложился именно во время Ялты-45. До этого, с 1941 г., США и Великобритания пытались закрепить за собой ведущую роль и не допускать иные государства. Во время подготовки Ялтинской конференции эта тенденция также прослеживается: ей предшествовала встреча министров иностранных дел Э. Идена и Э. Стеттиниуса на Мальте, во время которой были выра-

ботаны общие позиции США и Великобритании по всем вопросам, которые планировалось обсудить в Ялте [52, р. 127]. Имеющийся сговор западных держав вызывал озабоченность СССР по поводу того, что его интересы не будут учтены в будущей универсальной организации. Об этом, в частности, во время заседаний говорил В. М. Молотов [9, с. 13–14].

Заметим, что на фоне очевидного политического единства США и Великобритании особенно впечатляющим выглядит результат Ялтинской конференции, согласно которому Советский Союз был включен в пул ведущих держав. Это кардинально поменяло политическое мироустройство: произошел отход от идеи мирового господства, характерной для геополитики XIX в. – довоенного XX в., к идее равного участия в управлении международно-правовыми отношениями. У. Черчилль в Ялте заострил внимание на том, «... что было бы нежелательно создавать впечатление, будто бы три державы хотят властвовать над всем миром»². И. В. Сталин развил эту мысль, несколько театрализованно показав абсурдность мирового господства в послевоенном мире: «Кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают... Англия? Тоже нет... Значит, СССР стремится к мировому господству?.. Или, может быть, Китай?.. Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Мой друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром»³.

Таким образом, при сохранении общего подхода, выработанного еще во времена Вестфальского мира, предполагающего наличие в международном праве великих держав, произошла его трансформация, предполагающая равный доступ к управлению миром, основанный, согласно позиции государств «Большой Тройки», «на единстве великих держав, их доверии к друг другу»⁴. Данные идеи были реализованы в декларации «Единство в организации мира, как и в ведении войны»⁵. Впоследствии это привело к формированию биполярного ми-

Thus, the USSR and the US adhered to almost a single plan, the core of which was a united world organization. It was intended to replace numerous separate inter-state mechanisms aimed at ensuring peace and international security.

The creation of the UN became an accomplished fact precisely in Yalta. The discussion of the details and the political struggle for state preferences in the new global political arena continued onwards, but, as O. K. Shevchenko fairly noted, that had been a tactical rather than strategic struggle [48, pp. 176–177].

An important direction of the Yalta Conference agenda was to define the key provisions of the articles of association of the new organization. The first provision among them is the creation of such regulations that will ensure the preservation of peace for a long time, the impossibility of a new world war. According to J.V. Stalin, the guarantee must be the unity of the three powers – participants of the conference, plus France and China: ‘It is necessary to create more barriers to future divergence between the three major powers. It is necessary to develop a charter that would make the emergence of conflicts between states extremely difficult. This is the main task’¹. F. Roosevelt later expressed a similar idea: ‘... there can be no middle ground [regarding the creation of the UN] ... We must take responsibility for international cooperation or we will have to take responsibility for global conflict’. [8, p. 507]

The triumvirate of powers really took shape during Yalta-45. Prior to this, since 1941, the United States and United Kingdom had been trying to ensure their leadership role and to keep other states out of the nexus. This trend can also be seen in the preparations for the Yalta conference: the meeting of Foreign Ministers E. Eden and E. Stettinius in Malta preceded the conference. During the meeting, common positions of the United States and

United Kingdom were developed on all issues that were planned to be discussed in Yalta [52, p. 127]. The agreements of the Western powers caused concern in the USSR that its interests would not be taken into account in the future universal organization. V. M. Molotov spoke about it during the meetings [9, pp. 13–14].

It should be noted that the result of the Yalta conference, according to which the Soviet Union was included in the pool of leading powers, looks especially impressive on the background of the obvious political unity of the United States and United Kingdom. This fundamentally changed the political world order: there was a shift from the idea of world domination, inherent in the 19th century - pre-war 20th century, to the idea of equal participation in the governance of international legal relations. In Yalta W. Churchill drew attention to ‘... it would be undesirable to create the impression that the three powers want to rule over the whole world’². J. V. Stalin developed this idea by showing the absurdity of world domination in the post-war world in a slightly theatrical manner: ‘Who is plotting such domination? The United States? No, they do not think about it... England? Neither do they... So, the USSR seeks world domination...? Or maybe China? Clearly, there’s no point in speaking about world domination. My friend Churchill cannot name a single power that would like to rule the world’³.

Thus, along with the preservation of the general approach, developed back in the days of the Westphalian Peace and implying the presence of great powers in international law, there occurred its transformation. It involved equal access to the governance of the world, based, in the words of the Big Three, ‘on the unity of the great powers, their trust in each other’⁴. These ideas were implemented in the declaration ‘Unity in the organization of peace and also in the conduct of war’⁵. This subsequently led to the formation of a bipolar

¹ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств. 6 февраля 1945 г., 16 час., Ливадийский дворец // Советский Союз на международных конференциях Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) М.: Изд.-во полит. лит., 1979. С. 99.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 96, 122–123.

⁵ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Коммюнике о Крымской конференции. 11 февраля 1945 г. // Советский Союз на международных конференциях. Т. IV. С. 271.

¹ Crimean Conference. February 4–11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments. February 6, 1945. 4 p.m. Livadia Palace. *The USSR at International Conferences*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1979. Vol. 4. Crimean Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the USA and the UK (February 4–11, 1945). P. 99.

² Ibid. P. 92.

³ Ibid. P. 93.

⁴ Ibid. P. 96. Pp. 122–123.

⁵ Crimean conference. February 4–11, 1945. Communiqué on the Crimean Conference. February 11, 1945. *The USSR at International Conferences...* Vol. 4. P. 271.

ра – новой модели международного мироустройства, в котором ведущую роль стали играть США и СССР. Свершившееся изменение мирового политического расклада, как представляется, стало одной из причин необъективного взгляда на Ялту-1945.

На данном этапе исследования представляется логичным показать вклад Ялты в формирование первоначального состава ООН. Этот вопрос обсуждался в Думбартон-Оукс, но по нему не было принято окончательного решения. В меморандуме СССР, подготовленном для встречи в Думбартон-Оукс, предлагалось учредителями универсальной организации признать те государства, которые подписали Декларацию Объединенных Наций (1942 г.) либо присоединились к ней позже¹. Это не вызывало возражений со стороны Великобритании и США. Такой вариант соответствовал принципу справедливого представительства, по словам У. Черчилля, «ведущих и малых государств», давал возможность для свободной межгосударственной дискуссии в новой организации [9, с. 484; 14, с. 340]. Тем не менее данное решение не учитывало всех интересов участников «Большой Тройки»: у каждого из них были опасения по поводу сохранения международно-политического баланса в голосовании между членами Британского содружества наций, которые должны были стать полноправными участниками в будущей ООН; зависимых от США латиноамериканских стран; СССР, который пока не имел внушительного списка союзников. По факту речь шла о возможности предоставления державам-учредителям более одного голоса в ассамблее – межгосударственном форуме, решения которого не имели обязательного характера.

В Думбартон-Оукс советская сторона выступила с предложением дать всем советским республикам право стать учредителем международной организации. В Ялте это предложение было откорректировано и в числе учредителей ООН, с правом самостоятельного участия в Генеральной ассамблее, СССР предложил включить Украину, Белоруссию и Литву: «Названные республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями,

на которые вторглись немцы» [39, с. 112–113]. Политико-правовым основанием для этого предложения стало признание самостоятельной субъектности в будущей организации всех государств Британского содружества наций, которые по факту придерживались общей внешней политики, диктуемой из Лондона. Соответственно, как полагал СССР, ему – федеративному государству с широкой автономией союзных республик тоже может быть предоставлено более одного места в ГА ООН. В конечном итоге было решено, что на учредительной конференции будет представлен только СССР, но в работе новой организации с первого дня ее работы смогут принять участие Украина и Белоруссия [32, с. 182].

Принятые на Ялтинской конференции решения по поводу ООН обусловили еще одно важное нововведение для международно-правового порядка: создание разветвленной системы международных органов и организаций, генетически связанных с ООН. Дискуссия между государствами-учредителями (1941–1945 гг.) о компетенции новой универсальной организации закончилась признанием поддержания международного мира и безопасности в качестве ее основной цели. При этом вопросы социально-экономического, культурного и т. п. сотрудничества не были исключены из повестки. По мнению советского правительства, как это следует из меморандума, подготовленного для встречи в Думбартон-Оуксе, «... для такого рода деятельности может быть создана отдельная международная организация ... или несколько организаций, охватывающих различные области международного сотрудничества. Такие организации могли бы действовать отдельно от организации международной безопасности, посвятившей себя всецело интересам охраны всеобщего мира и безопасности народов»². В Ялте соответствующий диалог имел продолжение. В результате уже в послевоенное время сложились новые международно-правовые формы межгосударственного сотрудничества (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, миротворческие операции и т. д.).

¹ Меморандум правительства СССР о Международной организации безопасности. 12 августа 1944 г. // Советский Союз на международных конференциях. Т. 3. С. 95–102.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. 3. С. 96.

world – a new model of international world order in which the US and the USSR played a leading role. The resulting change in the global political situation was one of the reasons for the biased view of Yalta-45.

At this stage of research, it seems logical to show the Yalta's contribution to the formation of the original composition of the UN. This issue was discussed at Dumbarton Oaks, but no final decision was taken on it. The USSR memorandum that was prepared for the meeting in Dumbarton Oaks proposed recognizing as the founders of the universal organization those states that signed the United Nations Declaration (1942) or joined it later¹. This was not objected by the United Kingdom and the United States. This option corresponded to the principle of fair representation of, according to W. Churchill, 'leading and small states', and provided an opportunity for free interstate discussion in the new organization [9, p. 484; 14, p. 340]. Nevertheless, the decision did not take into account all the interests of the Big Three members: each of them had concerns about preserving the international political balance in the vote between the members of the British Commonwealth of Nations, which were to become full members in the future UN; the Latin American states dependent on the US; and the USSR, which did not yet have an impressive list of allies. In fact, it was about the possibility of granting the founder states more than one vote in the assembly – an interstate forum, which decisions were not binding.

At Dumbarton Oaks, the Soviet side proposed to give all Soviet republics the right to become a founder of an international organization. In Yalta, this proposal was corrected, and the USSR proposed including Ukraine, Belarus, and Lithuania among the founders of the UN, with the right to participate independently in the General Assembly:

¹ Memorandum of the USSR Government on the International Security Organization. August 12, 1944. *The USSR at International Conferences...* Vol. 3. Pp. 95–102.

'The named republics suffered the greatest casualties in the war and were the first territories invaded by the Germans' [39, pp. 112–113]. The political and legal basis for this proposal was the recognition of the independent subjectivity in the future organization of all the states of the British Commonwealth of Nations, which in fact adhered to a common foreign policy dictated from London. Accordingly, the USSR believed that, as a federal state with extensive autonomy of the union republics, it could be granted more than one seat at the UN General Assembly. In the end, it was decided that only the USSR would be represented at the founding conference, and Ukraine and Belarus would be able to participate in the work of the new organization from its first day [32, p. 182].

The decisions on the UN adopted at the Yalta Conference led to another important innovation for the international legal order: the creation of an extensive system of international bodies and organizations associated with the UN. The debates among the founder states (1941–1945) on the competence of the new universal organization ended with the recognition of the maintenance of international peace and security as its main objective. Issues of socio-economic, cultural etc. cooperation were not excluded from the agenda. The memorandum prepared for the Dumbarton Oaks meeting expressed the view of the Soviet government '... a separate international organization ... or several organizations covering different fields of international cooperation could be established for this kind of activity. Such organizations could operate separately from an international security organization devoted entirely to the protection of universal peace and the security of peoples'². The relevant dialogue continued at the Yalta conference. As a result, new international legal forms of inter-state cooperation (the Food and Agriculture Organization of the UN, UNESCO, UNICEF, peacekeeping operations, etc.) emerged in the post-war period.

² *The USSR at International Conferences...* Vol. 3. P. 96.

Формирование механизма международно-правового управления, предполагающего обязательность решений Совета Безопасности ООН для всех государств системы ООН

О том, что в ходе Ялтинской конференции были окончательно согласованы полномочия и порядок принятия решений СБ ООН, написано, пожалуй, во всех исследованиях, связанных с историей становления ООН и /или с Крымской (Ялтинской) конференцией 1945 г.

Обсуждение этого вопроса, реплики и пояснения участников тщательно проанализированы, и им дана серьезная историко-политическая и правовая оценка. Но все-таки не представляется возможным оставить без внимания этот вопрос в настоящей статье, поскольку предложенная в ходе подготовки ООН модель Совета Безопасности, а также место данного органа в нарождающейся международно-правовой системе – все это стало новым словом в теории и практике международно-правовых отношений.

Идея органа, управляющего мировыми процессами, была разработана Лео (Львом) Пасвольским – ответственным сотрудником Госдепартамента США, постреволюционным эмигрантом из России. Он работал над проектом Устава ООН с конца 1939 г., особенно плотно в период 1942–1944 гг. Именно ему принадлежит идея разделения полномочий между основными органами ООН: для Совета Безопасности – это сфера безопасности и поддержания мира; для ЭКОСОС – это социально-экономическая сфера, вопросы культуры, образования, здравоохранения [59].

Л. Пасвольский предложил выделить в СБ ООН группу государств, наделенных специфическими правами: иметь статус постоянных членов, обладать правом вето и санкционировать применение силы в отношении субъектов, представляющих угрозу для международного мира и безопасности [88, pp. 49–55].

В декабре 1944 г. США направили СССР и Великобритании окончательные предложения по организации СБ ООН и порядку принятия им решений. Эти предложения стали основой для обсуждения на Ялтинской конференции. В них устанавливалось следующее:

1) каждый член Совета Безопасности имеет один голос;

2) решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов;

3) решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования. При этом государство, не являющееся постоянным членом, вправе принять участие в обсуждении касающегося его вопроса и свободно изложить свою точку зрения¹.

Согласно позиции правительства США, в этом их предложении была решена задача урегулирования двух главных элементов новой организации международной безопасности: единогласие среди постоянных членов и справедливость для всех членов организаций².

Указанная модель СБ ООН была согласована лидерами государств-участников Ялтинской конференции. Таким образом, в итоговом варианте правового статуса СБ ООН были учтены две базовые идеи новой универсальной международной организации – невозможность использования ее власти (по словам У. Черчилля³) против государств-учредителей и сбалансированное участие государств-учредителей в управлении международными отношениями, равный доступ к выработке важнейших решений, относящихся «к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры»⁴.

Предложенная модель СБ ООН органично дополняла уже сложившуюся систему международно-правовых отношений, в которой главным механизмом урегулирования межгосударственных разногласий признавалось дипломатическое общение в различных формах. Кроме того, в качестве дополнительного механизма сохранялось общественное мнение как фактор влияния на государство, которое нарушает международное право⁵.

¹ *The Yalta Conference*. February, 4-11, 1945. Third Plenary Meeting. February, 6, 1945. 4 P.M. Livadia Palace. Pp. 660–686, 664, 666–670. URL: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1945/reference/frus.frus1945.i0012.pdf>.

² Ibid. P. 666.

³ Ibid.

⁴ Ibid. Pp. 660–686, 664.

⁵ *Крымская конференция*. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... Т. IV. С. 96.

Formation of the International Legal Governance Mechanism Implying the Binding Nature of the UN Security Council Decisions for all States of the UN System

The powers and decision-making procedures of the UN Security Council were finally agreed during the Yalta Conference. This is reflected in all studies related to the history of the formation of the UN and/or the Crimean (Yalta) Conference of 1945.

The discussion of this issue, the remarks and explanations of the participants have been thoroughly analyzed. All this has received a multifaceted historical, political and legal assessment. However, it does not seem possible to leave this issue unaddressed in this article, because the model of the Security Council proposed during the preparation of the UN and the place of this body in the new international legal system became a completely new landmark in the theory and practice of international legal relations.

The idea of a body that manages world processes was developed by Leo (Lev) Pasvolksky, an official of the US State Department and a post-revolutionary emigrant from Russia. He worked on the draft UN Charter from the end of 1939, particularly intensively during the period of 1942–1944. He was responsible for the idea of the division of powers between the main organs of the UN: for the Security Council – the security and peacekeeping sphere; for ECOSOC – the socio-economic, cultural, educational, and health issues [59].

L. Pasvolksky suggested that the UN Security Council should include a group of states with specific rights: to have permanent membership status, veto power, and to authorize the use of force against actors posing a threat to international peace and security [88, pp. 49–55].

The United States sent final proposals on the organization of the UN Security Council and its decision-making procedures to the USSR and United Kingdom in December 1944. These proposals became the basis for discussion at the Yalta Conference. They established the following:

1) each member of the Security Council shall have one vote;

2) decisions of the Security Council on procedural matters shall be made by an affirmative vote of seven members;

3). decisions of the Security Council on all other matters shall be made by an affirmative vote of seven members, including the concurring votes of the permanent members; provided that, in decisions under Chapter VI and under paragraph 3 of Article 52, a party to a dispute shall abstain from voting. At the same time, a non-permanent member state has the right to participate in the discussion of the issue concerning it and freely express its point of view¹.

According to the US government, their proposals solved the problem of reconciling the two main elements of the new international security organization: unanimity among the permanent members and fairness for all members of the organization².

This model of the UN Security Council was agreed by the leaders of the member states of the Yalta Conference. Thus, the final version of the legal status of the UN Security Council took into account two basic ideas of the new universal international organization – the impossibility of using its power (according to W. Churchill³) against the founder states and the balanced participation of the founder states in managing international relations, equal access to elaboration of the most important decisions related to ‘the preservation of peace, including all economic and military coercive measures’⁴.

The proposed UN Security Council model organically complemented the already established system of international legal relations in which diplomatic communication in various forms was recognized as the leading mechanism for resolving inter-state disagreements. Moreover, public opinion, as a factor of influence on a state that violates international law, was retained as an additional mechanism⁵.

¹ *The Yalta Conference*. February 4-11, 1945. Third Plenary Meeting. February, 6, 1945. 4 p.m. Livadia Palace. Pp. 660–686. P. 664. Pp. 666–670. Available at: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1945/reference/frus.frus1945.i0012.pdf>.

² Ibid. P. 666.

³ Ibid.

⁴ Ibid. Pp. 660–686. P. 664.

⁵ *Crimean Conference*. February 4-11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments... Vol. 4. P. 96.

Согласованная модель СБ ООН, без принципиальных изменений, была утверждена на конференции в Сан-Франциско (апрель-июнь 1945 г.), учредившей ООН и принявшей Устав ООН (ст. 27 Устава ООН).

Однако уже с 1947 г. рядом государств на ежегодных сессиях ГА ООН предпринимаются системные попытки пересмотреть порядок принятия решений в СБ ООН, в частности предлагалось подвергнуть ревизии право вето постоянных членов СБ ООН¹.

В соответствии со статьей 109 Устава ООН, для пересмотра положений Устава требуется:

– решение ГА ООН (с 1955 г. – простое большинство голосов членов Генеральной Ассамблеи и голоса любых семи членов Совета Безопасности) о созыве Генеральной конференции членов ООН;

– рекомендация, поддержанная двумя третями всех голосов участников Конференции, об изменении Устава ООН;

– ратификация в соответствии с конституционной процедурой, двумя третями членов Организации, включая всех постоянных членов Совета Безопасности.

Во всех отчетах ГА ООН подчеркивалось, что необходима благоприятная международная политическая обстановка для пересмотра Устава, без чего представляется проблематичным рассчитывать на эффективный результат работы Конференции². Как показывают протоколы заседаний Комитета по подготовке Конференции по пересмотру Устава ООН, дискуссии о созыве Генеральной конференции были достаточно жесткими и демонстрировали отсутствие общемирового консенсуса о целесообразности такой конференции и внесения изменений в Устав ООН³. В итоге за более чем десятилетний период обсуждения этого вопроса (1947–1959 гг.) государства так и не при-

шли к компромиссу. Вопрос об использовании права вето в СБ ООН не получил иного правового закрепления, кроме того, которое уже содержалось в статье 27 Устава ООН.

С 1959 г. изменяется вектор дискуссии на ГА ООН по вопросам организации работы СБ ООН. Возможно, осознание бесперспективности предпринимаемых попыток пересмотреть исключительные полномочия постоянных членов Совета Безопасности помогло перевести дискуссии о роли СБ ООН как органа, отвечающего за международный мир и безопасность, в более конструктивную плоскость.

К 1959 г. количество государств – участников ООН, во многом благодаря успешной антиколониальной и освободительной борьбе, увеличилось по сравнению с 1945 г. более чем вдвое – с 51 до 111. В связи с этим порядок формирования главных органов ООН, предусмотренный Уставом, перестал отвечать принципу справедливого представительства всех государств-участников. Молодые независимые государства Африки и Азии, как суверенные и равноправные члены ООН, поставили перед ГА ООН вопрос о допуске их к работе СБ ООН, ЭКОСОС, МС ООН⁴.

Эта инициатива была поддержана большинством государств. Как заявил Н.Т. Федоренко, постоянный представитель СССР при ООН и представитель СССР в СБ ООН (1963–1968), ООН «...должна правильно учитывать и отражать в своей работе интересы реально существующих сегодня в мире групп государств, а не превращаться в оторванный от жизни консервативный орган»⁵.

На восемнадцатой сессии (1963 г.), в соответствии со статьей 108 Устава, ГА ООН приняла поправки к статье 27 Устава об увеличении числа непостоянных членов СБ ООН до десяти и распределении мест с учетом гео-

The agreed model of the Security Council was adopted without any fundamental changes at the San Francisco Conference (April–June 1945), which established the UN and adopted the UN Charter (Article 27 of the UN Charter).

However, since 1947, a number of states have made systematic attempts at the annual sessions of the UN General Assembly to revise the UN Security Council's decision-making procedures, in particular, by proposing to revise the veto power of the permanent members of the UN Security Council¹.

In accordance with Article 109 of the UN Charter, the revision of the provisions of the Charter requires:

– the decision of the UN General Assembly (since 1955 – a simple majority of the votes of the members of the General Assembly and the votes of any seven members of the Security Council) to convene a General Conference of the Members of the Organization;

– a recommendation supported by a two-thirds vote of the conference, to amend the UN Charter;

– ratification, in accordance with their constitutional procedure, by two-thirds vote of the Members of the Organization, including all the permanent members of the Security Council.

All the reports of the UN General Assembly emphasized that a favorable international political environment is needed for the revision of the Charter without which it is problematic to expect an effective result of the conference². As shown by the protocols of the meetings of the Preparatory Committee for the Conference on the Revision of the UN Charter, the discussions on convening the General Conference were quite tough and demonstrated the lack of a global consensus on the advisability of such a conference and amendments to the UN Charter³. As a result, no compromise solu-

tion was reached by the states during more than a decade of discussions on the issue (1947–1959). The issue of the use of the veto right in the UN Security Council has no legal solution other than the one already set out in Article 27 of the UN Charter.

Since 1959, the debate in the UN General Assembly on the organization of the work of the UN Security Council has been changing. Perhaps, the awareness of the futility of attempts to revise the exclusive powers of the permanent members of the Security Council helped turn the debate on the role of the UN Security Council as a body responsible for international peace and security to a more constructive plane.

By 1959, the number of UN member states had more than doubled from 51 in 1945 to 111 as a result of successful anti-colonial and liberation struggle. In this regard, the procedure for the formation of the main UN bodies provided for in the Charter no longer meets the principle of fair representation of all member states. The young independent states of Africa and Asia, as sovereign and equal members of the UN, put before the UN General Assembly the question of their admission to the UN Security Council, ECOSOC, and the UN ICJ⁴.

This initiative was supported by the majority of states. According to N. T. Fedorenko, Permanent Representative of the USSR to the UN and representative of the USSR to the UN Security Council (1963–1968), the UN ‘...must properly take into account and reflect in its work the interests of groups of states actually existing in the world today, rather than turn into a conservative body detached from life’⁵.

The UN General Assembly adopted amendments to Article 27 of the Charter to increase the number of non-permanent members of the UN Security Council to 10 and to distribute seats based on geographical factors at the eighteenth session (1963) in accordance with Article 108

¹ См.: Резолюция 117 (II) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1947 г. Doc. A/RES/117 (II); Резолюция 992 (X) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1955 г. Doc. A/RES/992 (X); Резолюция 1136 (XII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 октября 1957 г. Doc. A/RES/1136 (XII); Резолюция 1670 (XVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1961 г. Doc. A/RES/1670 (XVI).

² Продолжение обсуждения вопроса о пользовании правом вето. Doc. A/PV.123. 1947. Nov. 21. Art. 116.

³ Предложение о созыве Генеральной конференции членов Организации Объединенных Наций с целью пересмотра Устава (статья 109 Устава) (окончание). Doc. A/PV.547. 21 ноября 1955 г.

⁴ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Четырнадцатая сессия. Официальные отчеты. 841-е Пленарное заседание. Doc. A/4256. 20 ноября 1959 г. Пункты 19, 20 и 21 повестки дня.

⁵ Пункты 81, 82 и 12 повестки дня. Вопрос о составе Генерального комитета Генеральной Ассамблеи Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете. Доклад Экономического и Социального Совета (глава XIII, раздел VI) (продолжение). Доклад специального политического комитета. Doc. A/5675.

¹ See: UN General Assembly Resolution 117 (II) of November 21, 1947. Doc. A/RES/117 (II); UN General Assembly Resolution 992 (X) of November 21, 1955. Doc. A/RES/992 (X); UN General Assembly Resolution 1136 (XII) of October 14, 1957. Doc. A/RES/1136 (XII); UN General Assembly Resolution 1670 (XVI) of December 15, 1961. Doc. A/RES/1670 (XVI).

² Continuation of the discussion on the use of the veto. Doc. A/PV.123. Nov. 21. 1947. Art. 116.

³ Proposal to convene a General Conference of the Members of the United Nations to review the Charter (Article 109 of the Charter) (end). Doc. A/PV.547. November 21, 1955.

⁴ The United Nations. The General Assembly. Fourteenth session. Official reports. 841st Plenary Meeting. Doc. A/4256. November 20, 1959. Agenda items 19, 20 and 21.

⁵ Agenda items 81, 82 and 12. The issue of the composition of the General Committee of the General Assembly. The issue of equitable representation on the Security Council and the Economic and Social Council. Report of the Economic and Social Council (chap. XIII, sect. VI) (continued). Report of the special political committee. Doc. A/5675.

графического фактора¹. 31 августа 1965 г. поправки вступили в силу, и с 1 января 1966 г. СБ ООН стал формироваться уже по обновленным правилам².

Таким образом, за прошедшие почти 75 лет после своего создания СБ ООН, за исключением показателя роста числа непостоянных членов, не претерпел формально-правовых изменений. Решения Ялты, касающиеся этого органа, показали свою продуктивность и жизнеспособность. Учитывая, что, по замыслу «Большой Тройки», предложенная ими модель ООН предполагалась быть фактором международно-правового управления на ближайшие 50 лет³, можно констатировать успешность согласованной странами-учредителями модели ООН и ее главных органов. Вышесказанное не означает беспрепятственность и идеальность современной модели СБ ООН. Как и ранее, деятельность СБ ООН и сейчас подвергается критике. В XXI веке актуальной темой в повестке ООН остается реформа, предполагающая, прежде всего, расширение числа постоянных членов этого органа [50].

Очевидно, что за все годы Совет Безопасности развивался, менял стиль работы, по-разному расставлял акценты и определял новые приоритетные направления своей деятельности. Это было вызвано необходимостью адаптации ООН и ее органов к новой международной политико-правовой реальности. Один из авторов настоящей статьи несколько лет назад уже обращался к этой теме и анализировал современное состояние и перспективы СБ ООН как органа, отвечающего за международный мир и безопасность в контексте международно-правовой борьбы с терроризмом [46].

Назовем наиболее значимые тенденции в деятельности СБ ООН.

Во-первых, на рубеже XX–XXI вв., в связи с окончанием «холодной войны», ростом участия негосударственных субъектов в международных отношениях, активизацией междуна-

родного террористического движения, отмечается расширение круга вопросов, на которые реагирует СБ ООН как на ситуации, угрожающие международному миру и безопасности (ст. 39 Устава ООН). Помимо традиционных международных вооруженных конфликтов таковыми стали считаться террористические акты, защита прав человека, доставка гуманитарной помощи, рост беженцев, распространение и незаконный оборот наркотиков и любых видов вооружений, экологические катастрофы и т. п. [57, p. 921].

Во-вторых, обращает на себя внимание постепенный отказ СБ ООН от реагирования только на «международные» угрозы, в поле зрения все чаще попадают «чисто» внутригосударственные ситуации, как, например, это было с осуждением со стороны СБ ООН теракта в Беслане (2004 г.) [55, p. 889].

В третьих, направленность деятельности СБ ООН сегодня – развитие правотворческих полномочий, реализуемых посредством принятия обязательных для исполнения всеми государствами-членами ООН резолюций, принятых для поддержания международного мира и безопасности (ст. 25, 39, 48 Устава ООН) [4, с. 227–228; 72, pp. 366–367, 369]. В отличие от сложившейся ранее практики, с 90-х гг. XX в. нормотворческие полномочия СБ ООН претерпели трансформацию: от рассмотрения частных конфликтов и ситуаций СБ ООН перешел к системному рассмотрению вопросов *общего характера* и стал принимать резолюции, устраняющие пробелы в международном праве и обязывающие все государства к определенному поведению [51, p. 310; 92, p. 41]. Примерами являются: резолюция СБ ООН 1566 (2004), раскрывающая содержание понятия «террористическое преступление»⁴, резолюция СБ ООН 1540 (2004), обязывающая государства принимать меры по нераспространению ядерного, химического, биологического оружия⁵.

of the Charter¹. The amendments entered into force on August 31, 1965, and from January 1, 1966, the UN Security Council began to be formed according to the updated rules².

Thus, the UN Security Council has not undergone formal legal changes over the past almost 75 years after its creation, with the exception of an increase in the number of non-permanent members. The Yalta's decisions regarding this body have shown their productivity and viability. As conceived by the Big Three, it was assumed that the UN model they proposed would be a factor in international legal governance for the next 50 years³. Taking this into account, the UN model and its main bodies, which were agreed upon by the founding countries, can be considered as a success. All of the above does not mean that the current UN Security Council model is problem-free and ideal. The activities of the UN Security Council are criticized now as much as ever. Reform remains a hot topic on the UN agenda in the twenty-first century. It primarily supposes an increasing the number of permanent members of the body [50].

It is obvious that the Security Council has gradually evolved, changed its style of work, re-focused and identified new priorities in its activities. This was caused by the need to adapt the UN and its bodies to the new international political and legal reality. One of the authors of this paper has already addressed this topic several years ago and analyzed the current state and prospects of the UN Security Council as a body responsible for international peace and security in the context of the international legal fight against terrorism [46].

Let us name the most significant novelties in the activities of the UN Security Council.

Firstly, the period of the turn of the 20th–21st centuries demonstrates an expansion of the issues to which the UN Security Council reacts as to situ-

ations threatening international peace and security (Article 39 of the UN Charter), which is connected with the end of the Cold War, growing involvement of non-state actors in international relations, and intensification of international terrorist movement. In addition to traditional international armed conflicts, terrorist acts, the need to protect human rights, problems with the delivery of humanitarian aid, the growth of refugees, the spread and trafficking of drugs, and all types of weapons, environmental disasters, etc. have come to be considered as such. [57, p. 921].

Secondly, the UN Security Council has gradually moved away from focusing only on 'international' threats to focusing on 'purely' domestic situations, such as the UN Security Council's condemnation of the Beslan terrorist attack (2004) [55, p. 889].

Thirdly, the modern trend in the activities of the UN Security Council is the development of its law-making power implemented through the adoption of resolutions that are binding on all UN member states and adopted to maintain international peace and security (Articles 25, 39, 48 of the UN Charter) [4, pp. 227–228; 72, pp. 366–367, 369]. Since the 1990s, the UN Security Council's law-making powers have changed from the consideration of individual conflicts and situations to the systematic consideration of issues of a general nature and the adoption of resolutions that eliminate gaps in international law and oblige all states to certain behavior [51, p. 310; 92, p. 41]. Examples include: UN Security Council Resolution 1566 (2004), which defines 'terrorist offences'⁴, UN Security Council Resolution 1540 (2004), obliging states to take measures for the non-proliferation of nuclear, chemical, and biological weapons⁵.

¹ Резолюция 1991 А (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1963 г. Doc. A/RES/1991 (XVII).

² Резолюция 2046 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1965 г. Doc. A/RES/2046 (XX).

³ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... Т. IV. С. 88.

⁴ Резолюция 1566 (2004) Совета Безопасности ООН от 8 октября 2004 г. Doc. S/RES/1566.

⁵ Резолюция 1540 (2004) Совета Безопасности ООН от 28 апреля 2004 г. Doc. S/RES/1540.

¹ UN General Assembly Resolution 1991 A (XVII) of December 17, 1963. Doc. A/RES/1991 (XVII).

² UN General Assembly Resolution 2046 (X) of December 8, 1965. Doc. A/RES/2046 (XX).

³ Crimean Conference. February 4–11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments... Vol. 4. P. 88.

⁴ UN Security Council Resolution 1566 (2004) of October 8, 2004. Doc. S/RES/1566.

⁵ UN Security Council Resolution 1540 (2004) of April 28, 2004. Doc. S/RES/1540.

*Вклад Ялтинской конференции
в формирование современного права
международной безопасности,
международного уголовного права,
международного гуманитарного права*

Становление современной системы международного права шло в течение длительного периода. Некоторые отрасли, например международное морское право, дипломатическое право, начали оформляться еще на рубеже XVIII-XIX вв. [38, с. 24; 43, с. 30]. Обычаи и правила ведения военных действий (международное гуманитарное право), предписания которых системно действовали уже в последние десятилетия XIX в. [29, с. 44–46, 48–51], тем не менее приобрели современное международно-правовое содержание тоже лишь в послевоенное время, после принятия четырех Женевских конвенций 1949 г. [1, с. 45–55].

Отрасли международного права, которые связаны с обеспечением безопасности, правами человека, привлечением к международной уголовной ответственности, стали самостоятельными после окончания Второй мировой войны [7, с. 14; 19]. По мнению С.Р. Силвербурга, качественные и количественные изменения в сфере вооруженных конфликтов повлияли на развитие международно-правовых институтов, призванных снизить степень конфронтации: «...в основе вопроса [примирения соперников] лежит роль международного права в обеспечении стимула для решения этих вопросов, связанных с конкурирующими интересами» [90, р. 738].

До начала XX в. основным способом обеспечения государственной безопасности было применение силы или угрозы силой. Первым шагом к формированию универсальных предписаний по различным аспектам международной безопасности (в самом широком смысле этого термина) стало принятие Гаагских конвенций 1899 г. и 1907 г., заложивших международно-правовой фундамент сотрудничества государств в этой сфере [71, р. 115]. Лига Наций разработала и частично реализовала международно-правовые механизмы по разрешению территориальных споров, защите прав национальных меньшинств, предприняла попытки нормативно закрепить определение понятия агрессии и установить запретительные нормы

для военных действий [79, pp. 27–59]. Усилия Лиги Наций оказались unsuccessful в предотвращении Второй мировой войны. Поэтому не удивительно, что представители стран-союзников при обсуждении вопросов будущего мироустройства уделяли серьезное внимание вопросам международной безопасности, международно-правовым механизмам недопущения нового мирового военного конфликта.

Вопросы международной безопасности, вооруженных конфликтов, привлечения к международной уголовной ответственности военных преступников обсуждались в ходе Ялтинской конференции. Можно сказать, все эти вопросы, в конечном счете, ориентированы на обеспечение международного мира и безопасности – базовой цели создания ООН.

Все ялтинские решения, связанные с созданием новой модели международной безопасности, исходили из основных принципов международного права [34, с. 33; 36, с. 526–545]. В тот исторический период они еще не имели четкого оформления.

Важным с точки зрения дальнейшего развития международного права признается положение, изложенное в итоговом документе Ялтинской конференции о «необходимости сотрудничества и взаимопонимания ... между всеми миролюбивыми народами», как условие достижения «высшего стремления человечества – прочного и длительного мира»¹. По мнению инициаторов создания ООН, это предписание в будущем должно было стать гарантией всеобщего мира и безопасности [24, с. 104]. В дальнейшем принцип сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности был закреплен в пункте 1 статьи 11 Устава ООН.

В ходе встреч и переговоров в Москве, Тегеране, Думбартон-Оукс, Ялте (1943–1945 гг.) государства-участники антигитлеровской коалиции акцентировали внимание на базовом характере ряда международно-правовых предписаний: *суверенного равенства* всех членов новой организации, *невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета, признания права наций на самоопределение*². Принци-

¹ Коммюнике о Крымской конференции // Советский Союз на международных конференциях. Т. IV. С. 270.

² Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 92.

*Contribution of the Yalta Conference to the
Formation of Modern International Security Law,
International Criminal Law, and International
Humanitarian Law*

The formation of the modern system of international law took place over a long period of time. Some branches, such as international maritime law and diplomatic law, began to form at the turn of the 18th-19th centuries [38, p. 24; 43, p. 30]. Customs and rules of warfare (international humanitarian law), the prescriptions of which were already systematically in force in the last decades of the 19th century [29, pp. 44–46, 48–51], acquired modern international legal content in the post-war period after the adoption of the four Geneva Conventions of 1949 [1, pp. 45–55].

The parts of international law dealing with security, human rights, and international criminal responsibility became separate branches of international law after the end of the World War II [7, p. 14; 19, p. 27]. According to S. R. Silverburg, the qualitative and quantitative changes in armed conflicts have influenced the development of international legal institutions designed to reduce confrontation: ‘... at the heart of the issue [of reconciliation of rivals] is the role of international law in providing an incentive to resolve issues related to competing interests’ [90, p. 738].

Until the beginning of the 20th century, the main method of ensuring state security was the use of force or the threat of force. The first step towards the formation of universal prescriptions on various aspects of international security (in the broadest sense of the term) was the adoption of the Hague Conventions of 1899 and 1907, which laid the international legal foundation for state cooperation in this field [71, p. 115]. The League of Nations developed and partly implemented international legal mechanisms to resolve territorial disputes and to protect the rights of national minorities, attempted to define aggression and establish prohibitions against military actions [79,

pp. 27–59]. The League of Nations was unsuccessful in preventing World War II. Not surprisingly, representatives of allied states paid serious attention to international security issues and international legal mechanisms to prevent a new world military conflict during discussions of the future world order.

Issues of international security, the conduct of armed conflicts, and the prosecution of war criminals were discussed at the Yalta Conference. We can say that all these issues are ultimately oriented towards ensuring international peace and security – the basic aim of the creation of the UN.

All of the Yalta decisions related to the creation of a new model of international security took into account basic principles of international law [34, p. 33; 36, pp. 526–545]. Then they were not clearly defined.

The provision set out in the final document of the Yalta Conference on the ‘necessity of cooperation and understanding ... among all peace-loving people’ as a condition for the achievement of ‘the highest aspiration of mankind – lasting and permanent peace’ is considered important for the further development of international law¹. According to the initiators of the UN creation, this order was supposed to be a guarantee of universal peace and security in the future [24, p. 104]. *The general principle of co-operation in the maintenance of international peace and security* was later established in Clause 1 of Article 11 of the UN Charter.

The member states of the anti-Hitler coalition focused on the basic nature of a series of international legal precepts during meetings and negotiations in Moscow, Teheran, Dumbarton Oaks, and Yalta (1943-1945): *the sovereign equality of all members of the new organization, non-intervention in internal affairs, respect for sovereignty, recognition of the right of nations to self-determination*².

¹ Communiqué on the Crimean Conference. *The USSR at International Conferences...* Vol. 4. P. 270.

² Crimean Conference. February 4-11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments... P. 92.

пы суверенного равенства и признание права на самоопределение нашли свое воплощение в Уставе ООН (ст. 1, 2, 55, 78).

Процесс принятия всеми государствами-членами ООН системы принципов международного права потребовал четверть века. На юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1970 г.) была принята Декларация о принципах международного права, которая не только подтвердила принципы, но и, по словам И. И. Лукашука, «раскрыла их содержание, которое стало ядром современного международного права» [28, с. 29].

Идея международной безопасности, как основополагающая для ООН, пронизывает большинство положений Устава ООН. Д. Плеш считает, что в центре внимания ялтинской дискуссии была защита будущих поколений от глобальных войн [81, р. 9]. Предложенная в ходе обсуждения модель универсальной организации строилась так, чтобы предотвратить масштабные вооруженные конфликты между государствами, минимизировать потенциальный ущерб, если не удалось избежать конфликта. Именно этим обуславливается ведущая роль СБ ООН как органа, на который была возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности (п. 1 ст. 24 Устава ООН). По мнению Д.И. Фельдмана, запрет силового вмешательства, не санкционированного СБ ООН, не только стал моральным императивом нового международного права, но и послужил своеобразным водоразделом «между новым и старым международным правом» [44, с. 105].

Отметим, что создание системы универсальной международной безопасности, ставшей одним из важнейших достижений Ялтинского форума, проходило «опытным путем», в условиях, практически не имеющих аналогов в предыдущие времена (хотя неправильно отрицать, что при этом не учитывалась практика работы Лиги Наций, ее правовые ошибки и пробелы). Так, например, в отличие от Устава Лиги Наций, слабость которого заключалась в том, что им почти совсем не предусматривалось практических мероприятий по разрешению международных споров, Устав ООН содержит специальные положения о предотвращении применения силы и о коллективных действиях против агрессоров (гл. VII). По этому поводу предста-

витель Боливии Г. Кирога-Галдо (1955 г.) высказался: «Устав нашей Организации является не просто клочком бумаги, как это, к сожалению, было с Пактом Лиги. Теперь в нашем распоряжении имеется система положений, возникших в результате твердой решимости применять их на практике, если это будет необходимо»¹.

В Ялте-1945 обсуждался один из сложнейших вопросов международно-правовой безопасности: запрет агрессии и агрессивной войны как полномочие новой универсальной организации. Первоначально союзники не имели единого мнения. Заместитель министра иностранных дел Великобритании сэр А. Кадоган возражал против включения в Устав ООН терминов «агрессия», «агрессор», так как это «способно в будущем вызвать сомнения и неопределенность» [94, pp. 708–709]. Советская делегация возражала против такого подхода, указывая, что в обязанности новой организации должно входить установление виновной стороны (агрессора) в развязывании каждого конкретного вооруженного конфликта [8, с. 571].

В результате нормы о борьбе с агрессией нашли свое закрепление в Уставе ООН: подавление агрессии названо, среди прочего, целью ООН (п. 1 ст. 1 Устава); все члены ООН обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения (п. 4 ст. 2 Устава); СБ ООН уполномочен определять акты агрессии (гл. VII, ст. 39, п. 1 ст. 53 Устава). Юридическое согласование термина «агрессия» было оформлено путем принятия в 1974 г. резолюции ГА ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии», в которой она была признана «наиболее серьезной и опасной формой незаконного применения силы» и определена как «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»². Продолжительное время этот документ оставался единственным международно-

¹ Doc. A/PV.547. 21 ноября 1955 года, 10 ч. 30 м. Нью-Йорк. Пункт 55 повестки дня. Предложение о созыве Генеральной конференции членов Организации Объединенных Наций с целью пересмотра Устава (статья 109 Устава) (окончание). П. 30.

² Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. Doc. A/RES/3314 (XXIX).

The principles of sovereign equality and recognition of the right to self-determination are established in the UN Charter (Articles 1, 2, 55, 78).

The process of adoption of the system of principles of international law by all UN member states was lasting for a quarter of a century. The Declaration on Principles of International Law was adopted at the 25th session of the UN General Assembly (1970). The Declaration not only confirmed the principles but also 'clarified their scope, which has become the core of modern international law' according to I. I. Lukashuk [28, p. 29].

The idea of international security, as fundamental to the UN, is assumed in most of the provisions of the UN Charter. D. Plesch believes that the focus of the Yalta discussion was the protection of future generations from global wars [81, p. 9]. The proposed model of a universal organization was constructed to prevent large-scale armed conflicts between states and minimize the potential damage if conflict could not be avoided. This explains the leading role of the UN Security Council as the body entrusted with primary responsibility for the maintenance of international peace and security (Clause 1 of Article 24 of the UN Charter). According to D. I. Feldman, the prohibition of military intervention, not sanctioned by the UN Security Council, became the moral imperative of the new international law and also served as a kind of division 'between the new and old international law' [44, p. 105].

It should be noted that the creation of a system of universal international security, which has become one of the most important achievements of the Yalta Conference, took place in an 'experimental way'. The process occurred in practically unprecedented conditions (although it would be wrong to deny that it did not take into account the practice of the League of Nations, its legal errors, and gaps). For example, the UN Charter contains specific provisions on the prevention of the use of force and on collective action against aggressors (Chapter VII), in contrast to the League of Nations Charter, which had the near-total absence of practical measures to resolve international disputes. The representative of Bolivia, G. Quiroga-Galdo (1955) said: 'The Charter of the UN is not just a

piece of paper, as was unfortunately with the Covenant of the League. Now we have at our disposal a system of provisions that has arisen as a result of a firm determination to apply it in practice, if it would be necessary»¹.

One of the most difficult issues of international legal security was discussed at the Yalta Conference: the prohibition of aggression and aggressive war as an authority of a new universal organization. Initially, the Allies did not have a common opinion on this issue. Sir A. Cadogan, the British Permanent Under-Secretary of State for Foreign Affairs, objected to including the terms 'aggression', 'aggressor' in the UN Charter because it 'could cause doubts and uncertainty in the future' [94, pp. 708–709]. The Soviet delegation objected to such an approach, pointing out that the new organization should be obliged to identify the guilty party (aggressor) in causing each particular armed conflict [8, p. 571].

Finally, the norms against aggression were established in the UN Charter: suppression of acts of aggression also called the purpose of the UN (Clause 1 of Article 1 of the Charter); all the members shall refrain in their international relations from the threat or use of force (Clause 4 of Article 2 of the Charter); the Security Council shall determine act of aggression (Chapter VII, Article 39, Clause 1 of Article 53 of the Charter). The legal agreement on the term 'aggression' was formalized through the adoption of the United Nations General Assembly Resolution 3314 (XXIX) 'Definition of Aggression' in 1974, in which it was recognized 'the most serious and dangerous form of the illegal use of force' and defined as 'the use of armed force by a State against the sovereignty, territorial integrity or political independence of another State, or in any other manner inconsistent with the Charter of the United Nations'². For a long time, this document remained the only international legal act

¹ Doc. A/PV.547. November 21, 1955. 10:30 a.m. New York. Agenda item 55. Proposal to convene a General Conference of the Members of the United Nations to review the Charter (Article 109 of the Charter) (end.) Paragraph 30.

² United Nations General Assembly Resolution 3314 (XXIX) of December 14, 1974. Doc. A/RES/3314 (XXIX).

правовым актом по данному вопросу, положения которого признаются авторитетным международно-правовым обычаем [78, p. 190].

В статье 6 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) агрессия была названа преступлением, подпадающим под юрисдикцию суда, однако осуществление юрисдикции было отложено до согласования государствами-участниками МУС определения термина¹. Оно было согласовано на конференции МУС в Кампале в 2010 г. и вступило в силу с 17 июля 2018 г.². Определение МУС прямо отсылает к резолюции ГА ООН 3314 (XXIX) и содержательно повторяет ее в части вариантов акта агрессии.

Еще одним аспектом международно-правовой безопасности в Ялте стал вопрос о создании коллективных вооруженных сил ООН. Эта тема имеет длительную историю разработки. Прообраз Военно-штабного комитета ООН был заявлен уже в первых, еще довоенных, проектах универсальной организации, предложенных Л. Пасвольским. В дальнейшем на всех значимых встречах уточнялись детали взаимодействия государств «в деле поддержания мира и международной безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими...» (ст. 47 Устава ООН). Именно в Ялте по общему решению всех трех держав было принято окончательное решение об исключительном национальном характере использования военно-воздушных сил³. По мнению И.И. Лукашука, механизм принятия решений по координации военных усилий, созданный решениями Ялты, был «весьма эффективен» [27, с. 91–92]. Действительно, с 1948 г. в ООН результативными были миротворческие инициативы, которые поддержаны представителями более чем 130 стран – членов ООН [95].

Тесную связь с вопросами обеспечения международно-правовой безопасности имеют решения Ялтинской конференции, связанные с уголовным преследованием нацистов и уста-

новлением новых предписаний в международном уголовном праве. Этой теме было посвящено почти все заседание глав государств-союзников, состоявшееся во второй половине дня 6 февраля 1945 г.⁴ Такое повышенное внимание, как представляется, подтверждает, что участники конференции осознавали значимость обсуждаемого вопроса для будущего универсального международно-правового управления.

Отметим, что все решения по этому поводу содержатся лишь в протоколах заседаний и не попали в итоговые документы Ялтинской конференции. Причины этого были озвучены У. Черчиллем: во-первых, были веские опасения, что обнародование информации может негативно сказаться на судьбе «союзных военнопленных»; во-вторых, знание о предстоящей судебной процедуре даст преступникам шанс уйти от ответственности.

Назовем основные решения, связанные с будущим Международным военным трибуналом (МВТ), принятые в Ялте:

– согласован принцип предания международному суду военных преступников «нацистской Германии и бывших государств – сателлитов оси в Европе»⁵. Таким образом, было положено начало совершенно новому для международного права механизму – привлечению физических лиц к международно-правовой ответственности за особо тяжкие преступления и заложены основы международной уголовной юстиции [11, с. 128];

– согласовано, что военнопленные, которые ранее, по нормам международного гуманитарного права, не могли предаваться судебной процедуре *a priori* за свои поступки во время военных действий [96, p. 42], должны быть судимы за военные преступления;

– согласован принцип определения подведомственности военных преступлений. Осуждению в МВТ подлежали преступники, деяния которых не были связаны с определенным географическим местом (главные преступники). Такой подход, по мнению У. Черчилля, обеспечит объективность процесса и покажет «изоляцию [этих лиц] от всего народа»;

– решено, что процесс против главных военных преступников должен иметь не только

on this issue, which provisions are recognized as an authoritative international legal custom [78, p. 190].

In Article 6 of the Rome Statute of the International Criminal Court (hereinafter referred to as ICC), aggression was defined as a crime within the jurisdiction of the Court, but the realization of jurisdiction was postponed until the ICC member states agreed on a definition of the term¹. It was agreed at the ICC conference in Kampala in 2010 and entered into force on July 17, 2018². The definition of the ICC explicitly refers to UN General Assembly Resolution 3314 (XXIX) and substantively repeats it in terms of variants of an act of aggression.

The issue of the creation of a UN collective armed force was another aspect of international legal security discussed at Yalta. This topic has a long history of development. The prototype of a UN Military Staff Committee was already present in the first pre-war drafts of the universal organization, proposed by L. Pasvolsky. Subsequently, the details of the interaction of the states were specified at all significant meetings ‘for the maintenance of international peace and security, the employment and command of forces placed at its disposal...’ (Article 47 of the UN Charter). It was in Yalta that the final decision on the exclusive national character of the air force was made by a common decision of all three powers³. According to I. I. Lukashuk, the decision-making mechanism for the coordination of military efforts established by the Yalta decisions was ‘very effective’ [27, pp. 91–92]. Indeed, peacekeeping operations, which include representatives from more than 130 UN member states, have been operating effectively since 1948 [95].

The decisions of the Yalta Conference relating to the prosecution of the Nazis and the establishment of new regulations of international criminal

law are closely linked to the issues of international legal security. This was the subject of almost the entire meeting of the heads of the Allied states on the afternoon of 6 February 1945⁴. This heightened attention confirms that conference participants were aware of the significance of the issue under discussion for the future of universal international legal governance.

It should be noted that all the decisions on this matter are contained in the minutes of the meetings and were not included into the final documents of the Yalta Conference. The reasons for this were named by W. Churchill: firstly, there were serious fears that the publication of information could have a negative impact on the fate of ‘Allied POWs’; secondly, knowledge of the upcoming trial would give criminals a chance to escape responsibility.

Let us name the main decisions related to the future International Military Tribunal (hereinafter referred to as IMT) adopted in Yalta:

– the principle of bringing war criminals ‘of Nazi Germany and the former Axis satellite states in Europe’ to the international court was agreed⁵. Thus, a completely new mechanism for international law was initiated – bringing individuals to international legal responsibility for particularly serious crimes and the foundations of international criminal justice were laid [11, p. 128].

– it was agreed that prisoners of war who, under the norms of international humanitarian law, previously could not be tried *a priori* for their actions during hostilities [96, p. 42] had to be tried for war crimes;

– the principle of determining the jurisdiction of war crimes was agreed. Criminals whose acts were not linked to a particular geographical location (principal offenders) were convicted in the IMT. This approach would ensure an objective process and show the ‘isolation [of these individuals] from all the people’ according to W. Churchill;

– it was decided that the proceeding against the principal offenders should be of not only a

¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. UN Doc. A/CONF.183/9.

² Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда. Кампала, 31 мая – 11 июня 2010 г. Официальные отчеты. Резолюция RC/Res.6.

³ Запись заседания глав правительств. 08.02.1945 // Советский Союз на международных конференциях. Т. 4. С. 136–138.

⁴ Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 182–184.

⁵ Коммюнике о Крымской конференции.

¹ Rome Statute of the International Criminal Court of July 17, 1998. UN Doc. A/CONF.183/9.

² Review Conference of the Rome Statute of the International Criminal Court. Kampala. May 31–June 11, 2010. Official Records. Resolution. RC/Res.6.

³ Record of the meeting of the heads of governments. February 8, 1945. *The USSR at International Conferences...* Vol. 4. Pp. 136–138.

⁴ Crimean Conference. February 4–11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments... Pp. 182–184.

⁵ Crimean conference February 4–11, 1945. Communiqué on the Crimean Conference. February 11, 1945. *The USSR at International Conferences...* Vol. IV.

юридический, но и политический характер. По мнению Ф. Хирша и К.С. Примела, таким образом реализовалась компромиссная идея, сочетающая в себе юридический принцип верховенства права в судебном разбирательстве и «миссионерский» этический подход, в основе которого лежало осуждение нацизма и фашизма [70, pp. 4–5; 84, pp. 2–3, 57–59, 98–99].

В ходе обсуждения в Ялте союзники не стали конкретизировать правовой статус будущего МВТ и подсудные ему преступления. Это было сделано в ходе Лондонской конференции, по результатам которой 8 августа 1945 г. было подписано четырехстороннее (Великобритания, СССР, США, Франция) Соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран «оси» и Устав МВТ, в котором были определены основные принципы международного уголовного правосудия, в т. ч. и конкретизированы виды международных преступлений. Е. Т. Усенко называл устав МВТ, как и предшествующие ему международно-правовые акты союзников в Тегеране, Ялте и Потсдаме, «не только частными случаями деятельности государств, но и развитием принципа ответственности за агрессию» [42, с. 213–214], что впоследствии получают свое логичное закрепление в Принципах международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в приговоре Трибунала, подтвержденных резолюцией ГА ООН (1946 г.)¹.

Последний вопрос, который требует разъяснения в рамках настоящей статьи, – это вклад Ялтинской конференции в развитие международного гуманитарного права. Ужасы Второй мировой войны, беспрецедентные жертвы на полях сражений и среди мирного населения не могли остаться без внимания союзников. Действовавшие в то время Женевские конвенции 1929 г. оказались недостаточными для полноценной защиты жертв вооруженных конфликтов (военнопленных, раненых и больных). Кроме того, в этих конвенциях практически отсутствовали предписания о защите гражданского населения, из-за чего, например, во время военных действий 1939–1945 гг. Международный комитет Красного Креста (МККК) призы-

вал воюющие стороны обращаться с населением как с военнопленными [25, с. 29].

В ходе Крымской конференции обсуждались различные практические аспекты сотрудничества союзников по репатриации, медицинскому обслуживанию, питанию интернированного населения и военнопленных, содержащихся в концлагерях, и допуск к ним МККК и представителей вооруженных сил. Именно во время переговоров в Ялте-1945 была выделена новая категория жертв войны – гражданское население².

Впоследствии эти договоренности были учтены МККК при подготовке новых Женевских конвенций, согласование которых началось уже в октябре 1945 г., а окончательное принятие состоялось на дипломатической конференции в Женеве в апреле–августе 1949 г. Все вопросы о защите военнопленных были кодифицированы в Женевской конвенции об обращении с военнопленными (Третья Женевская конвенция), а гражданские лица получили международно-правовую защиту по Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (Четвертая Женевская конвенция).

Выводы

Ялтинская конференция оказала большое влияние на становление современного международного права, придала легитимный характер традиционным для международного сообщества принципам политического поведения, заложила правовые основы для новых значимых международно-правовых предписаний.

Ялтинская конференция может считаться событием переходного этапа, знаменующим окончание одной эпохи (прежде всего, это конец Второй мировой войны, а в более глубоком смысле – конец мирового устройства, созданного на основе решений Парижской конференции и Версальского договора 1919 г.) и начало новой, в которой важнейшее место в системе управления международно-правовыми отношениями будет занимать ООН. Многие решения, принятые в Ялте, так или иначе касались будущего международного правопорядка, а не только разрешения геополитических проблем последнего этапа Второй мировой войны. В этом

legal but also a political character. According to F. Hirsch and K. S. Primel, a compromise idea was realized in this way. It combined the legal principle of the rule of law in judicial proceedings and a 'missionary' ethical approach, which was based on the condemnation of Nazism and Fascism [70, pp. 4–5; 84, pp. 2 3, 57 59, 98 99].

During the discussion in Yalta, the allies did not specify the legal status of the future IMT and the crimes under its jurisdiction. This was done during the London Conference. On August 8, 1945, as a result of the conference, a quadripartite (the UK, the USSR, the USA, and France) agreement on the prosecution and punishment of the principal offenders of the European Axis states was signed. The Charter of the IMT was also adopted. It defined the basic principles of international criminal justice, and specified the types of international crimes. E. T. Usenko called the IMT Charter and the preceding international legal acts of the Allies in Teheran, Yalta, and Potsdam 'not only the particular cases of states' activities but also the development of the principle of responsibility for aggression' [42, pp. 213–214]. The provisions of the Charter found their logical confirmation later in the Principles of International Law recognized by the Charter of the Nuremberg Tribunal. The principles of international law, in turn, found their expression in the verdict of the Tribunal and were confirmed by a resolution of the UN General Assembly (1946)¹.

The final issue that requires clarification in this paper is the contribution of the Yalta Conference to the development of international humanitarian law. The horrors of the World War II and the unprecedented casualties on the battlefields and among the civilian population could not be ignored by the Allies. The Geneva Conventions of 1929 (valid at the time) were not sufficient to provide full protection for the victims of armed conflicts (prisoners of war, the wounded and the sick). Furthermore, the conventions had virtually no provisions for the protection of civilians. For this reason, for example, the International Committee of the Red Cross (hereinafter referred to as ICRC)

called on warring parties to treat the population as prisoners of war during the hostilities of 1939–1945 [25, p. 29].

During the Crimean conference, various practical aspects of Allied cooperation were discussed. In particular: on repatriation, medical care, food for internees, and prisoners of war held in concentration camps and access to them by the ICRC and representatives of the armed forces. A new category of war victims: the civilian population was identified during the negotiations in Yalta-1945².

Subsequently, these agreements were taken into account by the ICRC in the preparation of the new Geneva Conventions, which negotiations began in October 1945. The final adoption of the conventions took place at a diplomatic conference in Geneva in April-August 1949. All issues relating to the protection of prisoners of war were codified in the Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War (Third Geneva Convention), and civilians received international legal protection under the Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War (Fourth Geneva Convention).

Conclusions

The Yalta Conference undoubtedly had an important impact on the formation of modern international law, gave legitimacy to the already established principles of political behavior that are traditional for the international community, and laid the legal foundations for new significant international legal prescriptions.

This conference can be considered a transitional phase, marking the end of one era (first of all, the end of World War II, and the end of the world order established on the basis of the decisions of the Paris Conference and the Versailles Treaty of 1919), and the beginning of a new one in which the UN will occupy the most important place in the system of management of international legal relations. Many decisions adopted at Yalta concerned not only the resolution of the geopolitical problems of the last stage of the World War II but also the future of the international legal order.

¹ Резолюция 95 (I) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. Doc. A/RES/95 (I).

² Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г. Запись заседания глав правительств... С. 210–213.

¹ United Nations General Assembly Resolution 95 (I) of December 11, 1946. Doc. A/RES/95 (I).

² Crimean Conference. February 4–11, 1945. Record of the meeting of the heads of governments... Pp. 210–213.

аспекте Ялтинская конференция продолжила традицию, заложенную еще Вестфальским трактатом, традицию формирования международного права ведущими державами, претендующими на управление мировыми правоотношениями.

Отметим особенность технического оформления решений Ялты-1945. Все достигнутые соглашения не приобрели договорной формы и с международно-правовой точки зрения не могут считаться признанными источниками права. В данной статье показано, что это стало следствием формата конференции, специфики исторического этапа становления новой модели международного права. Государства-участники в ходе конференции решали практические насущные задачи, связанные с последним этапом Второй мировой войны и с необходимостью оформления нового формата глобального межгосударственного сотрудничества. Можно сказать, что в таких условиях новые основы международного права формировались опытным путем. В связи с этим представляется сложным ожидать в качестве результата Ялтинской конференции оформленные в соответствии с современными ожиданиями и обязательные для исполнения международно-правовые документы: для этого пока еще не были сформулированы правила, а новая модель международного права находилась на стадии становления.

В таких условиях особую значимость приобретают так называемый «дух Ялты» и принципиальные идеи, лежащие в основе итоговых документов конференции. Именно они определили вектор развития международного права на десятилетия и реализовались в последующих, уже обязательных для исполнения международно-правовых документах.

С другой стороны, это породило проблему интерпретации правового наследия Ялтинской конференции и создало почву для скептического отношения к нему в международно-правовой науке. Распространенная точка зрения о незначительности результатов Ялты-1945, думается, основана на недостаточно объективном взгляде на эту конференцию, на игнорировании важных правовых акцентов, заложенных в ее решениях.

Среди международно-правовых достижений Ялты назовем:

– окончательное согласование создания ООН как универсальной организации, отве-

чающей за мир и международную безопасность;

– создание совершенно нового механизма международно-правового управления – Совета Безопасности ООН;

– расширение системы источников международного права, в которую, помимо традиционных договоров и обычаев, также вошли решения органов новой универсальной организации (Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН);

– достижение принципиального согласия в том, что основу нового международного права составят принципы уважения государственного суверенитета, равенства государств в международных отношениях, невмешательства во внутренние дела государства;

– создание предпосылок для формирования новой системы международного права в части появления в ней впоследствии таких отраслей, как международное гуманитарное право, право международной безопасности, международное уголовное право;

– итоговые решения Ялтинской конференции существенно повлияли на создание предписаний, которые впоследствии стали международными стандартами прав человека в части признания противоправности актов агрессии и насилия, защиты гражданского населения нормами международного права.

Заключение

Международно-правовая наука утверждает, что истоки холодной войны (противостояние СССР и США) заложены в решениях Ялтинской конференции: включение СССР в систему ведущих государств мира повлекло за собой формирование биполярного мира, гонку вооружений, политическое противостояние держав, выбравших различные пути политического развития [28, с. 29; 53; 66, р. 401]. С этим согласиться нельзя. Наоборот, Ялтинская конференция, среди многих международно-правовых событий XX века, стала наиболее ярким примером эффективного и конструктивного сотрудничества союзников – представителей различных формаций. Важно, что Великобритания, СССР и США смогли договориться и создать ООН и механизм недопущения новой мировой войны, что определяет геополитический климат на планете уже более 75 лет.

In this aspect, the Yalta Conference continued the tradition laid down by the Westphalian Treaty: the formation of international law by the leading powers claiming to govern the world's legal relations.

We should note a feature of the technical formulation of the Yalta-1945 decisions. All the reached agreements did not acquire a treaty form and cannot be considered as recognized sources of law from an international legal point of view. This article shows that this was a consequence of the format of the conference and the specifics of the historical stage of formation of the new model of international law. During the conference, the participating states solved practical urgent tasks related to the last stage of the World War II and the need to formalize a new format of global interstate cooperation. We can say that the new foundations of international law were formed empirically. In this regard, it seems difficult to expect the creation of international legal instruments that are binding for execution and drawn up in accordance with modern expectations, as a result of the Yalta Conference: for this purpose, rules have not yet been formulated, and a new model of international law was at the stage of its formation.

The so-called 'spirit of Yalta' and the fundamental ideas underlying the final documents of the conference are acquiring special significance. They have determined the vector of development of international law for decades and have been implemented in subsequent binding international legal documents.

On the other hand, this has given rise to a problem of interpretation of the legal heritage of the Yalta Conference and grounds for skepticism in international legal science. It seems that the widespread point of view of the insignificance of the results of Yalta-1945 is based on an insufficiently objective view of this conference, on ignoring the important legal accents laid down in its decisions.

The Yalta's international legal achievements include:

– final agreement on the creation of the UN as the universal organization responsible for peace and international security;

– creation of an entirely new mechanism of international legal governance – the UN Security Council;

– expansion of the system of sources of international law, which included decisions of the bodies of the new universal organization (the UN Security Council and the UN General Assembly) in addition to traditional treaties and customary law;

– reaching an agreement that the new international law would be based on the principles of respect for state sovereignty, equality of states in international relations and non-interference in the internal affairs of states;

– creation of the prerequisites for the formation of a new system of international law with the appearance thereafter of such branches as international humanitarian law, international security law, and international criminal law;

– final decisions of the Yalta conference substantially influenced the creation of precepts that later became international human rights standards with regard to the recognition of the unlawfulness of acts of aggression and violence and the protection of civilians by norms of international law.

We would like to finish this article with the following. The idea that the origins of the Cold War (the confrontation between the USSR and the United States) were laid down in the decisions of the Yalta Conference is one of the common clichés in international legal science: the inclusion of the USSR in the system of the world's leading states led to a bipolar world, an arms race, a political confrontation between the powers that chose different ways of political development [28, p. 29; 53; 66, p. 401]. We cannot agree with this. On the contrary, the Yalta Conference was the most remarkable example of effective and constructive cooperation between the Allies – representatives of various formations among many international legal events of the 20th century. It is important that the United Kingdom, the USSR, and the United States were able to agree and create a UN and a mechanism to prevent a new world war, which have been determining the geopolitical climate on the planet for more than 75 years.

Библиографический список

1. Алешин В. В. Методологические и правовые вопросы международного права вооруженных конфликтов // Международное право и международные организации. 2010. № 3.
2. Архивные документы о подготовке ялтинской конференции 1945 года. Крым. Ялта. 1945. URL: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>.
3. Бабурин С. Н. Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 54–57.
4. Бекяшев К. А. Международное право: учебник. М.: Проспект, 2019. 1048 с.
5. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории: мемуары. 4-е изд. М.: Междунар. отношения, 1987. 616 с.
6. Борисов А. Ю. СССР и США: союзники в годы войны (1941–1945). М.: Международ. отношения, 1983. 288 с.
7. Брылева Е. А. От наказания к примирению: наступление на «индустрию борьбы с преступностью» // Мировой судья. 2018. № 1. С. 13–17.
8. Великая Победа: в 15 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
9. Великая Победа: в 15 т. Т. 14: Умиротворение Европы. М.: МГИМО-Университет, 2015.
10. Волков Ф. Д. За кулисами второй мировой войны. М.: Мысль, 1985. 304 с.
11. Вылегжанин А. Н., Скуратова А. Ю., Синякин И. И. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала) // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130.
12. Громыко А. А. ООН: история и современность. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 4–26.
13. Громыко А. А. Памятное. М.: Политиздат, 1988. Кн. 1. 479 с.
14. Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / пер. с англ. М.: Три квадрата, 2004. 365 с.
15. Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля.
16. Искендеров П. А. Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 103–108.
17. Исраэлян В. Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945) М.: Междунар. отношения, 1985. 482 с.
18. Каширина Т. В. Конференция в Думбартон-Оксе в 1944 г. и ее влияние на развитие международных отношений в антигитлеровской коалиции // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 79–82.
19. Колобов О. А., Хохлышева О. О. Система международной безопасности ООН и ее политико-правовое обеспечение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 125–129.
20. Кортуннов С. В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 570 с.
21. Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944–1945). М.: Изд-во ИМО, 1960. 343 с.
22. Кузнецов Н. Г. Ялта, февраль 1945 г. Из воспоминаний участника Крымской конференции // Новое время. 1970. № 6. С. 24–28.
23. Кузнецовский В. Д. Ялта Сталина и Рузвельта и Вестфальская система // Вестник МГУКИ. 2011. 3 (41). С. 70–77.
24. Курс международного права: в 7 т. / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др. М.: Наука, 1989. Т. 1. 360 с.
25. Логвиненко О. І. Розвиток міжнародного гуманітарного права в контексті рішень Кримської конференції 1945 р. // Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологи, философии: материалы междунар. науч. конф. «Ялта-45». Симферополь: электрон. изд. К.О.Ш., 2013. 152 с.
26. Лукашук И. И. Возникновение и становление международного права // Вестник Киевского университета. Серия: Международные отношения и международное право. 1984. № 18. С. 25–32.
27. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студ. юрид. фак. и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 415 с.

References

1. Aleshin V. V. *Metodologicheskie i pravovye voprosy mezhdunarodnogo prava vooruzhennykh konfliktov* [Methodological and Legal Issues of International Law of Armed Conflicts]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* – International Law and International Organizations. 2010. Issue 3. Pp. 45–55. (In Russ.).
2. Archival Documents on the Preparation of the 1945 Yalta Conference. Crimea. Yalta. 1945. Available at: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>. (In Russ.).
3. Baburin S. N. *Yaltinskije dogovorennosti velikikh derzhav v 1945 g. i ikh uroki dlya mezhdunarodnogo prava* [The Yalta Agreements of the Great Powers in 1945 and Their Lessons for International Law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'LAW'. 2015. Issue 2 (43). Pp. 54–57. (In Russ.).
4. Bekyashev K. A. *Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik* [International Law: Textbook]. Moscow, 2019. 1048 p. (In Russ.).
5. Berezhkov V. M. *Stranitsy diplomaticheskoy istorii: Memuary* [Chapters of Diplomatic History: Memoirs]. 4th ed. Moscow, 1987. 616 p. (In Russ.).
6. Borisov A. Yu. *SSSR i SShA: soyuzniki v gody voyny (1941–1945)* [The USSR and the USA: Allies During the War (1941–1945)]. Moscow, 1983. 288 p. (In Russ.).
7. Bryleva E. A. *Ot nakazaniya k primireniyu: nastuplenie na «industriyu bor'by s prestupnost'yu»* [From Punishment to Reconciliation: an Attack on the 'Crime Fighting Industry']. *Mirovoy sud'ya* – Magistrate Judge. 2018. Issue 1. Pp. 13–17. (In Russ.).
8. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 8. *Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuza v gody voyny* [Foreign Policy and Diplomacy of the Soviet Union During the War]. Moscow, 2014. 864 p. (In Russ.).
9. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 14. *Umirotvorenie Evropy* [The Pacification of Europe]. Moscow, 2015. 364 p. (In Russ.).
10. Volkov F. D. *Za kulisami vtoroy mirovoy voyny* [Behind the Scenes of World War II]. Moscow, 1985. 304 p. (In Russ.).
11. Vylegzhanin A. N., Skuratova A. Yu., Sinyakin I. I. *Sovremennoe mezhdunarodno-pravovoe znachenie Nyurnbergskogo protsessa (k 70-letiyu vyneseniya Prigovora Nyurnbergskogo tribunala)* [Current International Legal Significance of the Nuremberg Trial (on the Occasion of the 70th Anniversary of the Nuremberg Tribunal Verdict)]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2017. Issue 1. Pp. 117–130. (In Russ.).
12. Gromyko A. A. *OON: istoriya i sovremennost'*. K 65-letiyu sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy [The UN: History and Modernity. On the occasion of the 65th Anniversary of the Establishment of the United Nations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* – Moscow University Bulletin of World Politics. 2010. Issue 3. Pp. 4–26. (In Russ.).
13. Gromyko A. A. *Pamyatnoe* [The Memorable]. Moscow, 1988. Book 1. 479 p. (In Russ.).
14. Dunn D. *Mezhdru Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskije posly v Moskve*. [Caught Between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow]. Transl. from English. Moscow, 2004. 365 p. (In Russ.).
15. Zor'kin V. *Apologiya Vestfal'skoy sistemy* [An Apologia of the Westphalian System]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 2004. July 13. (In Russ.).
16. Iskenderov P. A. *Berlinskiy Kongress 1878 g. i ego politicheskie posledstviya dlya Balkan* [The Berlin Congress of 1878 and Its Political Consequences for the Balkans]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* – Slavic World in the Third Millennium. 2016. Vol. 11. Pp. 103–108. (In Russ.).
17. Israelyan V. L. *Diplomatiya v gody voyny (1941–1945)* [Diplomacy During the War (1941–1945)]. Moscow, 1985. 482 p. (In Russ.).
18. Kashirina T. V. *Konferentsiya v Dumbarton-Okse v 1944 g. i ee vliyanie na razvitie mezhdunarodnykh otnosheniy v antigitlerovskoy koalitsii* [Dumbarton-Oaks Conference in 1944 and Its Influence on the Development of International Relations in the Anti-Hitler Coalition]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* – Humanities and Law Studies. 2015. Issue 4. Pp. 79–82. (In Russ.).
19. Kolobov O. A., Khokhlysheva O. O. *Sistema mezhdunarodnoy bezopasnosti OON i ee politiko-pravovoe obespechenie* [The UN International Security System and Its Political and Legal Support]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 2016. Issue 6. Pp. 125–129. (In Russ.).

28. Лукашук И. И. Право международной ответственности. М.: Волтерс Клувер, 2004. 218 с.

29. Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 г. СПб., 1879. 608 с.

30. Международное право: учебник / под ред. Игнатенко Г. В., Тиунова О. В. М.: Норма, 2010. 758 с.

31. Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. № 3. Т. 29. С. 181–216.

32. Новик Д. Г. Дискуссия о принципах формирования основополагающих структур ООН в процессе создания организации // Управленческое консультирование 2015. № 8 (80). С. 177–186.

33. Орлов А. С., Новоселов Б. Н. Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны. М.: Молодая гвардия, 1986. 239 с.

34. Орлова И. А. Развитие современной системы права международной безопасности // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 31–37.

35. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 95–105.

36. Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545.

37. Сиполс В. Я., Челышев И. А. Крымская конференция, 1945 год. М.: Международ. отношения, 1984. 93 с.

38. Скаридов А. С. Морское право. Учебник для магистров. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. 647 с.

39. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.

40. Сосинский С. Б. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М.: Междунар. отношения, 1970. 129 с.

41. Страницы истории ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations>.

42. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. 240 с.

43. Фархутдинов И. З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 25–33.

44. Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2007. № 3, т. 5. С. 104–113.

45. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Науч. книга, 2014. 592 с.

46. Чернядьева Н. А. Роль Резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 176–184.

47. Черчилль У. С. Вторая мировая война: в 6 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 4, кн. 2. 671 с.

48. Шевченко О. К. Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (К вопросу об исторической методологии) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 174–188.

49. Шевченко О. К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). Брянск: БРОО «ЦИОГНИС», 2018. 238 с.

50. Щербаков Ю. В., Щербаков М. Ю. Позиции Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по вопросу реформирования Организации Объединенных Наций: краткий сравнительный анализ // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 12 (30). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>.

51. Abi-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // Chinese Journal of International Law. 2002. № 1. Pp. 305–314.

52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945/Malta>.

53. Bennett G. What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference opens. 4 February

20. Kortunov S. V. Sovremennaya vneshnyaya politika Rossii. Strategiya izbiratel'noy vovlechenosti [Modern Foreign Policy of Russia. Selective Involvement Strategy]. Moscow, 2008. 570 p. (In Russ.).

21. Krylov S. B. Istoriya sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy. Razrabotka teksta Ustava OON (1944 - 1945) [History of the United Nations Creation. Drafting of the Text of the UN Charter (1944–1945)]. Moscow, 1960. 343 p. (In Russ.).

22. Kuznetsov N. G. Yalta, fevral' 1945 g. Iz vospominaniy uchastnika Krymskoy konferentsii [Yalta, February 1945. From the Memoirs of a Participant of the Crimean Conference]. Novoe vremya – The New Times. 1970. Issue 6. Pp. 24–28. (In Russ.).

23. Kuznechevskiy V. D. Yalta Stalina i Ruzvel'ta i Vestfal'skaya sistema [Yalta of Stalin and Roosevelt and the Westphalian System]. Vestnik MGUKI – Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2011. Issue 3 (41). Pp. 70–77. (In Russ.).

24. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. [The Course on International Law. In 7 vols.]. Authors: Yu. A. Baskin, N. B. Krylov, D. B. Levin et al. Moscow, 1989. Vol. 1. 360 p. (In Russ.).

25. Logvinenko O. I. Rozvytok mizhnarodnogo gumanitarnogo prava v konteksti rishen' Kryms'koi konferentsii 1945 r. [The Development of the International Humanitarian Law in a Context of Solutions of the Crimean Conference of 1945]. Krymskaya konferentsiya 1945 g.: aktual'nye voprosy istorii, prava, sotsiologii, politologii, kul'turologii, filosofii / materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Yalta-45/13 (Simferopol', Ukraina 23-27 aprelya 2013 g. [Yalta Conference, 1945: Actual Issues of History, Law Studies, Political Science, Culture Studies and Philosophy. Materials of the International Scientific Conference Yalta-45/13 (Simferopol, Ukraine, April 23-27, 2013)]. Ed. by O. K. Shevchenko]. Simferopol, 2013. 152 p. (In Ukr.).

26. Lukashuk I. I. Vozniknovenie i stanovlenie mezhdunarodnogo prava [The Emergence and Formation of International Law]. Vestnik Kievskogo universiteta. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo – Bulletin of the University of Kyiv. Series International Relations and International Law. 1984. Issue 18. Pp. 25–32. (In Russ.).

27. Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshh. chast': uchebnik dlya studentov yurid. fakultetov i vuzov [International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities]. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.).

28. Lukashuk I. I. Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti [The Law of International Responsibility]. Moscow, 2004. 218 p. (In Russ.).

29. Martens F. Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874-1878 g. [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874-1878]. St. Petersburg, 1879. 608 p. (In Russ.).

30. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik [International Law: Textbook]. Ed. by G. V. Ignatenko, O. V. Tiunov. Moscow, 2010. 758 p. (In Russ.).

31. Münkler H. Novye voyny. O vozvrashhenii odnoy istoricheskoy modeli [The New Wars. On the Return of a Historical Model]. Logos. 2019. Vol. 29. Issue 3. Pp. 181–216. (In Russ.).

32. Novik D. G. Diskussiya o printsipakh formirovaniya osnovopolagayushhih struktur OON v protsesse sozdaniya organizatsii [Discussion on the Principles of Forming the Fundamental UN Structures in the Process of Creating the Organization]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting. 2015. Issue 8 (80). Pp. 177–186. (In Russ.).

33. Orlov A. S., Novoselov B. N. Fakty protiv mifov: Podlinnaya i mnimaya istoriya vtoroy mirovoy voyny [Facts Against Myths: The True and Imaginary History of the Second World War]. Moscow, 1986. 239 p. (In Russ.).

34. Orlova I. A. Razvitie sovremennoy sistemy prava mezhdunarodnoy bezopasnosti [Development of the Modern System of International Security Law]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting. 2017. Issue 10. Pp. 31–37. (In Russ.).

35. Sayamov Yu. N. Vestfal'skiy mir i ego printsipy vchera i segodnya [The Westphalian Peace and Its Principles Yesterday and Today]. Vek globalizatsii – Age of Globalization. 2018. Issue 3 (27). Pp. 95–105. (In Russ.).

36. Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens Norms: Historical Aspect and Current Significance for International Law]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 3 (41). Pp.

2015. URL: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-ylta>.
54. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. 2004. Vol. 22, № 1. Pp. 38–52.
55. Bianchi A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion // The European Journal of International Law. 2006. Vol. 17, № 5. Pp. 881–919.
56. Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p.
57. Consideration of the provisions of Chapter VII of the Charter (2000 – 2003) // Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council. URL: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5.
58. Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p.
59. Dr. Leo Pasvol'sky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization // New York Times. 1953. May 7. URL: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasvol-sky-of-u-n-fai-ie-economist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvol-sky&scp=1&st=p>.
60. Druzin B. H. Why does Soft Law Have any Power Anyway? // Asian Journal of International Law. 2017. № 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229.
61. Dykmann K. On the Origins of the United Nations: When and How Did it Begin? // Journal of International Organizations Studies. 2012. № 3. Pp. 79–84.
62. Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p.
63. Fassbender B., Peters A. Towards a Global History of International Law // The Oxford Handbook of the History of International Law. Ed. by Bardo Fassbender and Anne Peters. Oxford: Oxford University Press, 2013. 1272 p.
64. Grewe W. G. The Epochs of International Law. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p.
65. Guzman A. T. and Meyer T. L. International soft law // Journal of Legal Analysis. 2011. Vol. 2, № 1. Pp. 171–225.
66. Harbutt F. J. Yalta 1945: Europe and America at the crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p.
67. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p.
68. Higgins R. The United Nations at 70 years: The impact upon international law // International and comparative law quarterly. Cambridge, 2016. Vol. 65, № 1. Pp. 1–19.
69. Hilderbrand R. C. Dumbarton Oaks: the origins of the United Nations and the search for postwar security. University of North Carolina Press. Chapel Hill. London, 1990. 320 p.
70. Hirsch F. Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the international military tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p.
71. Hudson M. O. Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907 // The American Journal of International Law. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. DOI: 10.2307/2189634.
72. Hurd I. The UN Security Council and the International Rule of Law // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7, № 3. Pp. 361–379.
73. Kennedy D. The Sources of International Law // American University International Law Review. 1987. № 1. Pp. 1–96.
74. Mälksoo L. Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory // The Oxford Handbook on the Sources of International Law. OUP: J. d'Aspremont, S. Besson, 2017. Pp. 146–162.
75. Mazower M. No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p.
76. McKeown A. Periodizing Globalization // History Workshop J. 2007. № 63(1). Pp. 218–230.
77. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p.
78. O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute // J. Int. Criminal Justice. 2012. № 10(1). Pp. 189–207.
79. Ostrower G. B. The League of Nations From 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park. New York, 1996. 176 p.
80. Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to 526–545. DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545. (In Russ.).
37. Sipols V. Ya., Chelyshev I. A. Krymskaya konferentsiya, 1945 god [Crimean Conference, 1945]. Moscow, 1984. 93 p. (In Russ.).
38. Skaridov A. S. Morskoe pravo. Uchebnik dlya magistrrov. [Maritime Law. Textbook for Master's Students]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2020. 647 p. (In Russ.).
39. Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. IV. Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav - SSSR, SShA i Velikobritanii (4–11 fevralya 1945 g.) [Crimean Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the United States of America and Great Britain (February 4–11, 1945)]. Moscow, 1984. 302 p. (In Russ.).
40. Sosinskiy S. B. Aktsiya «Argonavt» (krymskaya konferentsiya i ee otsenka v SShA) [Action “Argonaut” (Crimean Conference and Its Assessment in the USA)]. Moscow, 1970. 129 p. (In Russ.).
41. Stranitsy istorii OON [Chapters of the UN History]. Available at: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations>. (In Russ.).
42. Usenko E. T. Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava [Essays on the Theory of International Law]. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.).
43. Farkhutdinov I. Z. Voyna i mir v kontekste mezhdunarodnogo prava. Opyt doktrinal'nogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoy modeli mezhdunarodnykh otnosheniy v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava [War and Peace in the Context of International Law. An Attempt of Doctrinal Research of the Problems of the Formation of a Modern Model of International Relations in the Context of the Development of International Law]. Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal. 2020. Issue 2 (141). Pp. 25–33. (In Russ.).
44. Fel'dman D., Barabanov O. Esli Vestfal' i bolen, to etot bol'noy skoree zhiv, chem mertv... [If Westphal Is Sick, Then This Patient Is Rather Alive Than Dead ...]. Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki – International Trends. Journal of International Relations Theory and World Politics. 2007. Vol. 5. Issue 3. Pp. 104–113. (In Russ.).
45. Chernichenko S. V. Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy [The Contours of International Law. General Issues]. Moscow, 2014. 592 p. (In Russ.).
46. Chernyad'eva N. A. Rol' Rezolyutsiy Soveta Bezopasnosti OON v sovershenstvovanii antiterroristicheskogo prava [The Role of the UN Security Council Resolutions in Improving the Anti-Terrorism Legislation]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. Issue 2 (28). Pp. 176–84. (In Russ.).
47. Churchill W. Vtoraya mirovaya voyna. V 6 tomakh [The Second World War. In 6 vols.]. Moscow, 1991. Book 2. Vol. 4. 671 p. (In Russ.).
48. Shevchenko O. K. Istoricheskaya sud'ba rusinov i vopros ob OON na Krymskoy konferentsii 1945 g. (K voprosu ob istoricheskoy metodologii) [The Historical Destiny of the Rusins and the Question on the UN at the Crimean Conference of 1945 (On the Question of Historical Methodology)]. Rusin. 2015. Issue 2 (40). Pp. 174–188. (In Russ.).
49. Shevchenko O. K. Triumf vlasti (sovetskaya istoriosofiya Yaltinskoy konferentsii) [The Triumph of Power (Soviet Historiosophy of the Yalta Conference)]. Bryansk, 2018. 238 p. (In Russ.).
50. Shherbakov Yu. V., Shherbakov M. Yu. Pozitsii Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki po voprosu reformirovaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy: kratkiy sravnitel'nyy analiz [Positions of the Russian Federation and the United States of America on the Reform of the United Nations: A Brief Comparative Analysis]. Universum: obshchestvennye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal – Universum: Social Sciences: Electronic Science Journal. 2016. Issue 12 (30). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>. (In Russ.).
51. Abi-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism. Chinese Journal of International Law. 2002. Issue 1. Pp. 305–314. (In Eng.).
52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta>. (In Eng.).
53. Bennett G. What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference Opens. February 4,

World War one. Ed. by Lesaffer R. Cambridge University Press, 2004. 488 p.

81. *Plesch D.* «America, Hitler and the UN» panel discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription.

82. *Plesch D.* America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged A Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf.

83. *Plokhly S.I.* Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p.

84. *Priemel K.C.* The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p.

85. *Reisman M. W.* The Concept and Functions of Soft Law in International Politics // Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias. 1992. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. Pp. 101–145.

86. *Renaut M.-H.* Histoire du droit international public. Paris. Ellipses. Mise au point, 2007. 190 p.

87. *Reynolds G.* From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p.

88. *Schlesinger S.C.* Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p.

89. *Show M.N.* International Law. Sixth edition. Cambridge University Press. The Edinburgh Building, Cambridge. UK. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York, 2008. 1710 p.

90. *Silverburg S.R., Alshdaifat Sh.* «Strategic Chaos»: The Role of International Law // Saudi Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 2, № 8. Pp. 736–743.

91. *Simon H.* The Myth of Liberum Ius ad Bellum: Justifying War in 19th-Century Legal Theory and Political Practice // The European Journal of International Law. 2018. Vol. 29, № 1. Pp. 113–136.

92. *Stromseth J.* The Security Council's Counter-Terrorism Role: Continuity and Innovation // American Society of International Law. 2003. № 97. Pp. 41–45.

93. *Sunstein C. R.* Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1,

1994. 113 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>.

94. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan.* O. M., 1938–1945. Cassell, 1971. G. P. Putnam's Sons; 1-st edition. 881 p.

95. *United Nations Peacekeeping helps countries torn by conflict create conditions for lasting peace.* URL: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>.

96. *Werle G.* Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p.

References

1. *Aleshin V. V.* Metodologicheskie i pravovye voprosy mezhdunarodnogo prava vooruzhennykh konfliktov [Methodological and Legal Issues of International Law of Armed Conflicts]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* – International Law and International Organizations. 2010. Issue 3. Pp. 45–55. (In Russ.).

2. Archival Documents on the Preparation of the 1945 Yalta Conference. Crimea. Yalta. 1945. Available at: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>. (In Russ.).

3. *Baburin S. N.* Yaltinskie dogovorennosti velikikh derzhav v 1945 g. i ikh uroki dlya mezhdunarodnogo prava [The Yalta Agreements of the Great Powers in 1945 and Their Lessons for International Law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of Omsk University. Series 'LAW'. 2015. Issue 2 (43). Pp. 54–57. (In Russ.).

4. *Bekyashev K. A.* Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International Law: Textbook]. Moscow, 2019. 1048 p. (In Russ.).

5. *Berezhkov V. M.* Stranitsy diplomaticheskoy istorii: Memuary [Chapters of Diplomatic History: Memoirs]. 4th ed. Moscow, 1987. 616 p. (In Russ.).

6. *Borisov A. Yu.* SSSR i SShA: soyuzniki v gody voyny (1941-1945) [The USSR and the USA: Allies During the War (1941-1945)]. Moscow, 1983. 288 p. (In Russ.).

7. *Bryleva E. A.* Ot nakazaniya k primireniyu: nastuplenie na «industriyu bor'by s prestupnost'yu» [From Punishment to Reconciliation: an Attack on the 'Crime Fighting Industry']. *Mirovoy sud'ya* – Magistrate Judge. 2018. Issue 1. Pp. 13–17. (In Russ.).

8. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 8. *Vneshnyaya politika i diplomatiya Sovetskogo Soyuza v gody voyny* [For-

2015. Available at: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-yalta>. (In Eng.).

54. *Bergesen A. J., Lizardo O.* International Terrorism and the World-System. *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. Issue 1. Pp. 38–52. (In Eng.).

55. *Bianchi A.* Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-Terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion. *The European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 5. Pp. 881–919. (In Eng.).

56. *Cassese A.* International Law. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p. (In Eng.).

57. Consideration of the Provisions of Chapter VII of the Charter (2000-2003). *Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council*. Available at: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5. (In Eng.).

58. *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p. (In Eng.).

59. Dr. Leo Pasvolsky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization. New York Times. May 7, 1953. Available at: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasnolsky-of-u-n-faie-economist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvolsky&scp=1&st=p>. (In Eng.).

60. *Druzin B. H.* Why Does Soft Law Have Any Power Anyway? *Asian Journal of International Law*. 2017. Issue 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229. (In Eng.).

61. *Dykman K.* On the Origins of the United Nations: When and How Did It Begin? *Journal of International Organizations Studies*. 2012. Issue 3. Pp. 79–84. (In Eng.).

62. *Farkhutdinov I.* The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p. (In Eng.).

63. *Fassbender B., Peters A.* Towards a Global History of International Law. *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford University Press, 2013. 1272 p. (In Eng.).

64. *Grewe W. G.* The Epochs of International Law. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p. (In Eng.).

65. *Guzman A. T., Meyer T. L.* International Soft Law. *Journal of Legal Analysis*. 2011. Vol. 2. Issue 1. Pp. 171–225. (In Eng.).

66. *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p. (In Eng.).

67. *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p. (In Eng.).

68. *Higgins R.* The United Nations at 70 Years: The Impact upon International Law. *International and Comparative Law Quarterly*. 2016. Vol. 65. Issue 1. Pp. 1–19. (In Eng.).

69. *Hilderbrand R. C.* Dumbarton Oaks: the Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. University of North Carolina Press. Chapel Hill, London, 1990. 320 p. (In Eng.).

70. *Hirsch F.* Soviet Judgment at Nuremberg: a New History of the International Military Tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p. (In Eng.).

71. *Hudson M. O.* Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907. *The American Journal of International Law*. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/present-status-of-the-hague-conventions-of-1899-and-1907/7D64970386859B83589567000B3491B6>. DOI: 10.2307/2189634. (In Eng.).

72. *Hurd I.* The UN Security Council and the International Rule of Law. *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. Issue 3. Pp. 361–379. (In Eng.).

73. *Kennedy D.* The Sources of International Law. *American University International Law Review*. 1987. Issue 1. Pp. 1–96. (In Eng.).

74. *Mälksoo L.* Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory. *The Oxford Handbook of the Sources of International Law*. Ed. by J. d'Aspremont, S. Beson. Oxford University Press, 2017. Pp. 146–162. (In Eng.).

75. *Mazower M.* No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p. (In Eng.).

76. *McKeown A.* Periodizing Globalization. *History Workshop Journal*. 2007. Issue 63(1). Pp. 218–230. (In Eng.).

77. *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York:

eign Policy and Diplomacy of the Soviet Union During the War]. Moscow, 2014. 864 p. (In Russ.).

9. *Velikaya Pobeda: v 15 t.* [The Great Victory: in 15 vols.]. Vol. 14. *Umirotvorenie Evropy* [The Pacification of Europe]. Moscow, 2015. 364 p. (In Russ.).

10. *Volkov F. D. Za kulisami vtoroy mirovoy voyny* [Behind the Scenes of World War II]. Moscow, 1985. 304 p. (In Russ.).

11. *Vylegzhaniy A. N., Skuratova A. Yu., Sinyakin I. I. Sovremennoye mezhdunarodno-pravovoye znachenie Nyurnbergskogo protsesssa (k 70-letiyu vyneseniya Prigovora Nyurnbergskogo tribunala)* [Current International Legal Significance of the Nuremberg Trial (on the Occasion of the 70th Anniversary of the Nuremberg Tribunal Verdict)]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*. 2017. Issue 1. Pp. 117–130. (In Russ.).

12. *Gromyko A. A. OON: istoriya i sovremennost'. K 65-letiyu sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy* [The UN: History and Modernity. On the occasion of the 65th Anniversary of the Establishment of the United Nations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* – Moscow University Bulletin of World Politics. 2010. Issue 3. Pp. 4–26. (In Russ.).

13. *Gromyko A. A. Pamyatnoye* [The Memorable]. Moscow, 1988. Book 1. 479 p. (In Russ.).

14. *Dunn D. Mezhdunarodnyy Ruzvel'tom i Stalinym. Amerikanskaya posly v Moskve.* [Caught Between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow]. Transl. from English. Moscow, 2004. 365 p. (In Russ.).

15. *Zor'kin V. Apologiya Vestfal'skoy sistemy* [An Apologia of the Westphalian System]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian Gazette. 2004. July 13. (In Russ.).

16. *Iskenderov P. A. Berlinskiy Kongress 1878 g. i ego politicheskie posledstviya dlya Balkan* [The Berlin Congress of 1878 and Its Political Consequences for the Balkans]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* – Slavic World in the Third Millennium. 2016. Vol. 11. Pp. 103–108. (In Russ.).

17. *Israelyan V. L. Diplomatiya v gody voyny (1941–1945)* [Diplomacy During the War (1941–1945)]. Moscow, 1985. 482 p. (In Russ.).

18. *Kashirina T. V. Konferentsiya v Dumbarton-Okse v 1944 g. i ee vliyaniye na razvitiye mezhdunarodnykh otnosheniy v antigitlerovskoy koalitsii* [Dumbarton-Oaks Conference in 1944 and

Its Influence on the Development of International Relations in the Anti-Hitler Coalition]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* – Humanities and Law Studies. 2015. Issue 4. Pp. 79–82. (In Russ.).

19. *Kolobov O. A., Khokhlysheva O. O. Sistema mezhdunarodnoy bezopasnosti OON i ee politiko-pravovoye obespecheniye* [The UN International Security System and Its Political and Legal Support]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 2016. Issue 6. Pp. 125–129. (In Russ.).

20. *Kortunov S. V. Sovremennaya vneshnyaya politika Rossii. Strategiya izbiratel'noy vovlechenosti* [Modern Foreign Policy of Russia. Selective Involvement Strategy]. Moscow, 2008. 570 p. (In Russ.).

21. *Krylov S. B. Istoriya sozdaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy. Razrabotka teksta Ustava OON (1944 - 1945)* [History of the United Nations Creation. Drafting of the Text of the UN Charter (1944–1945)]. Moscow, 1960. 343 p. (In Russ.).

22. *Kuznetsov N. G. Yalta, fevral' 1945 g. Iz vospominaniy uchastnika Krymskoy konferentsii* [Yalta, February 1945. From the Memoirs of a Participant of the Crimean Conference]. *Novoe vremya* – The New Times. 1970. Issue 6. Pp. 24–28. (In Russ.).

23. *Kuznechevskiy V. D. Yalta Stalina i Ruzvel'ta i Vestfal'skaya sistema* [Yalta of Stalin and Roosevelt and the Westphalian System]. *Vestnik MGUKI* – Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts. 2011. Issue 3 (41). Pp. 70–77. (In Russ.).

24. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t.* [The Course on International Law. In 7 vols.]. Authors: Yu. A. Baskin, N. B. Krylov, D. B. Levin et al. Moscow, 1989. Vol. 1. 360 p. (In Russ.).

25. *Logvinenko O. I. Rozvytyok mizhnarodnogo humanitarnogo prava v konteksti rishen' Kryms'koy konferentsii 1945 r.* [The Development of the International Humanitarian Law in a Context of Solutions of the Crimean Conference of 1945]. *Krymskaya konferentsiya 1945 g.: aktual'nye voprosy istorii, prava, sotsiologii, politologii, kul'turologii, filosofii / materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Yalta-45/13 (Simferopol', Ukraina 23-27 aprelya 2013 g.)* [Yalta Conference, 1945: Actual Issues of History, Law Studies, Political Science, Culture Studies and Philosophy. Materials of the International Scientific Conference

Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p. (In Eng.).

78. *O'Connell M. E., Niyazmatov M.* What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute. *Journal of International Criminal Justice*. 2012. Issue 10 (1). Pp. 189–207. (In Eng.).

79. *Ostrower G. B.* The League of Nations from 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park, New York, 1996. 176 p. (In Eng.).

80. *Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One.* Ed. by R. Lesaffer. Cambridge University Press, 2004. 488 p. (In Eng.).

81. *Plesch D.* 'America, Hitler and the UN': Panel Discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription. (In Eng.).

82. *Plesch D.* America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged a Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf. (In Eng.).

83. *Plokhyy S. I.* Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p. (In Eng.).

84. *Priemel K. C.* The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p. (In Eng.).

85. *Reisman M. W.* The Concept and Functions of Soft Law in International Politics. *Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias*. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. 1992. Pp. 101–145. (In Eng.).

86. *Renaut M.-H.* Histoire du droit international public. Paris: Ellipses, Mise au point, 2007. 190 p. (In Fr.).

87. *Reynolds G.* From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p. (In Eng.).

88. *Schlesinger S. C.* Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p. (In Eng.).

89. *Show M. N.* International Law. Sixth edition. New York: Cambridge University Press, 2008. 1710 p. (In Eng.).

90. *Silverburg S. R., Alshdaifat S.* 'Strategic Chaos': The Role of International Law. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 2. Issue 8. Pp. 736–743. (In Eng.).

91. *Simon H.* The Myth of Liberum Ius ad Bellum: Justifying War in 19th-Century Legal

Theory and Political Practice. *The European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29. Issue 1. Pp. 113–136. (In Eng.).

92. *Stromseth J.* The Security Council's Counter-Terrorism Role: Continuity and Innovation. *American Society of International Law*. 2003. Issue 97. Pp. 41–45. (In Eng.).

93. *Sunstein C. R.* Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1, 1994. 113 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>. (In Eng.).

94. *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M., 1938–1945.* Cassell, 1971. G. P. Putnam's Sons; 1st ed. 881 p. (In Eng.).

95. *United Nations Peacekeeping Helps Countries Torn by Conflict Create Conditions for Lasting Peace.* Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>. (In Eng.).

96. *Werle G.* Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p. (In Eng.).

References in Russian

1. *Алешин В. В.* Методологические и правовые вопросы международного права вооруженных конфликтов // Международное право и международные организации. 2010. № 3.

2. Архивные документы о подготовке ялтинской конференции 1945 года. Крым. Ялта. 1945. URL: <http://yalta-conf1945.mil.ru/>.

3. *Бабурин С. Н.* Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 54–57.

4. *Бекяшев К. А.* Международное право: учебник. М.: Проспект, 2019. 1048 с.

5. *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории: мемуары. 4-е изд. М.: Международ. отношения, 1987. 616 с.

6. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны (1941–1945). М.: Международ. отношения, 1983. 288 с.

7. *Брылева Е. А.* От наказания к примирению: наступление на «индустрию борьбы с преступностью» // Мировой судья. 2018. № 1. С. 13–17.

8. *Великая Победа: в 15 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны.* М.: Кучково поле, 2014. 864 с.

Yalta-45/13 (Simferopol, Ukraine, April 23-27, 2013)]. Ed. by O. K. Shevchenko]. Simferopol, 2013. 152 p. (In Ukr.).

26. Lukashuk I. I. *Vozniknovenie i stanovlenie mezhdunarodnogo prava* [The Emergence and Formation of International Law]. *Vestnik Kievskogo universiteta. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo* – Bulletin of the University of Kyiv. Series International Relations and International Law. 1984. Issue 18. Pp. 25–32. (In Russ.).

27. Lukashuk I. I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshh. chast': uchebnik dlya studentov yurid. fakul'tov i vuzov* [International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities]. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.).

28. Lukashuk I. I. *Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti* [The Law of International Responsibility]. Moscow, 2004. 218 p. (In Russ.).

29. Martens F. *Vostochnaya voyna i Bryussel'skaya konferentsiya. 1874-1878 g.* [The Eastern War and the Brussels Conference. 1874-1878]. St. Petersburg, 1879. 608 p. (In Russ.).

30. *Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik* [International Law: Textbook]. Ed. by G. V. Ignatenko, O. V. Tiunov. Moscow, 2010. 758 p. (In Russ.).

31. Münkler H. *Novye voyny. O vozvrashchenii odnoy istoricheskoy modeli* [The New Wars. On the Return of a Historical Model]. *Logos*. 2019. Vol. 29. Issue 3. Pp. 181–216. (In Russ.).

32. Novik D. G. *Diskussiya o printsipakh formirovaniya osnovopolagayushchikh struktur OON v protsesse sozdaniya organizatsii* [Discussion on the Principles of Forming the Fundamental UN Structures in the Process of Creating the Organization]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Administrative Consulting. 2015. Issue 8 (80). Pp. 177–186. (In Russ.).

33. Orlov A. S., Novoselov B. N. *Fakty protiv mifov: Podlinnaya i mnimaya istoriya vtoroy mirovoy voyny* [Facts Against Myths: The True and Imaginary History of the Second World War]. Moscow, 1986. 239 p. (In Russ.).

34. Orlova I. A. *Razvitie sovremennoy sistemy prava mezhdunarodnoy bezopasnosti* [Development of the Modern System of International Security Law]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Administrative Consulting. 2017. Issue 10. Pp. 31–37. (In Russ.).

35. Sayamov Yu. N. *Vestfal'skiy mir i ego printsipy vchera i segodnya* [The Westphalian

Peace and Its Principles Yesterday and Today]. *Vek globalizatsii* – Age of Globalization. 2018. Issue 3 (27). Pp. 95–105. (In Russ.).

36. Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. *Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava* [Jus Cogens Norms: Historical Aspect and Current Significance for International Law]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 3 (41). Pp. 526–545. DOI 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545. (In Russ.).

37. Sipols V. Ya., Chelyshev I. A. *Krymskaya konferentsiya, 1945 god* [Crimean Conference, 1945]. Moscow, 1984. 93 p. (In Russ.).

38. Skaridov A. S. *Morskoe pravo. Uchebnik dlya magistrantov*. [Maritime Law. Textbook for Master's Students]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, 2020. 647 p. (In Russ.).

39. *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Vol. IV. *Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav - SSSR, SShA i Velikobritanii (4–11 fevralya 1945 g.)* [Crimean Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the United States of America and Great Britain (February 4-11, 1945)]. Moscow, 1984. 302 p. (In Russ.).

40. Sosinskiy S. B. *Aktsiya «Argonavt» (krymskaya konferentsiya i ee otsenka v SShA)* [Action “Argonaut” (Crimean Conference and Its Assessment in the USA)]. Moscow, 1970. 129 p. (In Russ.).

41. *Stranitsy istorii OON* [Chapters of the UN History]. Available at: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations>. (In Russ.).

42. Usenko E. T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays on the Theory of International Law]. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.).

43. Farkhutdinov I. Z. *Voyna i mir v kontekste mezhdunarodnogo prava. Opyt doktrinal'nogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoy modeli mezhdunarodnykh otnosheniy v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava* [War and Peace in the Context of International Law. An Attempt of Doctrinal Research of the Problems of the Formation of a Modern Model of International Relations in the Context of the Development of International Law]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Eurasian Law Journal. 2020. Issue 2 (141). Pp. 25–33. (In Russ.).

9. *Великая Победа: в 15 т. Т. 14: Умиротворение Европы*. М.: МГИМО-Университет, 2015.

10. Волков Ф. Д. *За кулисами второй мировой войны*. М.: Мысль, 1985. 304 с.

11. Вылегжанин А. Н., Скуратова А. Ю., Синякин И. И. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала) // Современное право. 2017. № 1. С. 117–130.

12. Громыко А. А. ООН: история и современность. К 65-летию создания Организации Объединенных Наций // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 4–26.

13. Громыко А. А. *Памятное*. М.: Политиздат, 1988. Кн.1. 479 с.

14. Данн Д. *Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве* / пер. с англ. М.: Три квадрата, 2004. 365 с.

15. Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля.

16. Искендеров П. А. Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. № 11. С. 103–108.

17. Исраэлян В. Л. *Дипломатия в годы войны (1941–1945)* М.: Междунар. отношения, 1985. 482 с.

18. Каширина Т. В. Конференция в Думбартон-Оксе в 1944 г. и ее влияние на развитие международных отношений в антигитлеровской коалиции // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 79–82.

19. Колобов О. А., Хохлышева О. О. Система международной безопасности ООН и ее политико-правовое обеспечение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 125–129.

20. Кортунунов С. В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 570 с.

21. Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944–1945). М.: Изд-во ИМО, 1960. 343 с.

22. Кузнецов Н. Г. Ялта, февраль 1945 г. Из воспоминаний участника Крымской конференции // Новое время. 1970. № 6. С. 24–28.

23. Кузнецовский В. Д. Ялта Сталина и Рузвельта и Вестфальская система // Вестник МГУКИ. 2011. 3 (41). С. 70–77.

24. *Курс международного права: в 7 т.* / Ю. А. Баскин, Н. Б. Крылов, Д. Б. Левин и др. М.: Наука, 1989. Т. 1. 360 с.

25. Логвиненко О. И. Развитие международного гуманитарного права в контексте решений Крымской конференции 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологии, философии: материалы междунар. науч. конф. «Ялта-45». Симферополь: электрон. изд. К.О.Ш., 2013. 152 с.

26. Лукашук И. И. Возникновение и становление международного права // Вестник Киевского университета. Серия: Международные отношения и международное право. 1984. № 18. С. 25–32.

27. Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учебник для студ. юрид. фак. и вузов*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 415 с.

28. Лукашук И. И. *Право международной ответственности*. М.: Волтерс Клувер, 2004. 218 с.

29. Мартенс Ф. *Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 г.* СПб., 1879. 608 с.

30. *Международное право: учебник* / под ред. Игнатенко Г. В., Тиунова О. В. М.: Норма, 2010. 758 с.

31. Мюнклер Г. Новые войны. О возвращении одной исторической модели // Логос. 2019. № 3. Т. 29. С. 181–216.

32. Новик Д. Г. Дискуссия о принципах формирования основополагающих структур ООН в процессе создания организации // Управленческое консультирование 2015. № 8 (80). С. 177–186.

33. Орлов А. С., Новоселов Б. Н. *Факты против мифов: Подлинная и мнимая история второй мировой войны*. М.: Молодая гвардия, 1986. 239 с.

34. Орлова И. А. Развитие современной системы права международной безопасности // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 31–37.

35. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 95–105.

44. Fel'dman D., Barabanov O. *Esli Vestfal' i bolen, to etot bol'noy skoree zhiy, chem mertv...* [If Westphal Is Sick, Then This Patient Is Rather Alive Than Dead ...]. *Mezhdunarodnye protsessy. Zhurnal teorii mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy politiki* – International Trends. Journal of International Relations Theory and World Politics. 2007. Vol. 5. Issue 3. Pp. 104–113. (In Russ.).
45. Chernichenko S. V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy* [The Contours of International Law. General Issues]. Moscow, 2014. 592 p. (In Russ.).
46. Chernyad'eva N. A. *Rol' Rezolyutsiy Soveta Bezopasnosti OON v sovershenstvovanii antiterroristicheskogo prava* [The Role of the UN Security Council Resolutions in Improving the Anti-Terrorism Legislation]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. Issue 2 (28). Pp. 176–84. (In Russ.).
47. Churchill W. *Vtoraya mirovaya voyna. V 6 tomakh* [The Second World War. In 6 vols.]. Moscow, 1991. Book 2. Vol. 4. 671 p. (In Russ.).
48. Shevchenko O. K. *Istoricheskaya sud'ba rusinov i vopros ob OON na Krymskoy konferentsii 1945 g. (K voprosu ob istoricheskoy metodologii)* [The Historical Destiny of the Rusins and the Question on the UN at the Crimean Conference of 1945 (On the Question of Historical Methodology)]. *Rusin*. 2015. Issue 2 (40). Pp. 174–188. (In Russ.).
49. Shevchenko O. K. *Triumf vlasti (sovet-skaya istoriosofiya Yaltinskoy konferentsii)* [The Triumph of Power (Soviet Historiosophy of the Yalta Conference)]. Bryansk, 2018. 238 p. (In Russ.).
50. Shherbakov Yu. V., Shherbakov M. Yu. *Pozitsii Rossiyskoy Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki po voprosu reformirovaniya Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy: kratkiy sravnitel'nyy analiz* [Positions of the Russian Federation and the United States of America on the Reform of the United Nations: A Brief Comparative Analysis]. *Universum: obshchestvennye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* – Universum: Social Sciences: Electronic Science Journal. 2016. Issue 12 (30). Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>. (In Russ.).
51. Abi-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism. *Chinese Journal of International Law*. 2002. Issue 1. Pp. 305–314. (In Eng.).
52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta>. (In Eng.).
53. Bennett G. What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference Opens. February 4, 2015. Available at: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-ylta>. (In Eng.).
54. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System. *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. Issue 1. Pp. 38–52. (In Eng.).
55. Bianchi A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-Terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion. *The European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17. Issue 5. Pp. 881–919. (In Eng.).
56. Cassese A. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p. (In Eng.).
57. Consideration of the Provisions of Chapter VII of the Charter (2000-2003). *Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council*. Available at: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5. (In Eng.).
58. Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p. (In Eng.).
59. Dr. Leo Pasvolsky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization. *New York Times*. May 7, 1953. Available at: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasnolsky-of-u-n-fai-ie-economist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvolsky&scp=1&st=p>. (In Eng.).
60. Druzin B. H. Why Does Soft Law Have Any Power Anyway? *Asian Journal of International Law*. 2017. Issue 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229. (In Eng.).
61. Dykmann K. On the Origins of the United Nations: When and How Did It Begin? *Journal of International Organizations Studies*. 2012. Issue 3. Pp. 79–84. (In Eng.).
62. Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p. (In Eng.).
36. Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Нормы jus cogens: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-526-545.
37. Сиполс В. Я., Чельшев И. А. Крымская конференция, 1945 год. М.: Международ. отношения, 1984. 93 с.
38. Скаридов А. С. Морское право. Учебник для магистров. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. 647 с.
39. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.
40. Сосинский С. Б. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М.: Междунар. отношения, 1970. 129 с.
41. Страницы истории ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history/history-united-nations>.
42. Усенко Е. Т. Очерки теории международного права. М.: Норма, 2008. 240 с.
43. Фархутдинов И. З. Война и мир в контексте международного права. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 25–33.
44. Фельдман Д., Барабанов О. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2007. № 3, т. 5. С. 104–113.
45. Черниченко С. В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Науч. книга, 2014. 592 с.
46. Чернядьева Н. А. Роль Резолюций Совета Безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 176–184.
47. Черчилль У. С. Вторая мировая война: в 6 т. М.: Воениздат, 1991. Т. 4, кн. 2. 671 с.
48. Шевченко О. К. Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (К вопросу об исторической методологии) // Русин. 2015. № 2 (40). С. 174–188.
49. Шевченко О. К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). Брянск: БРОО «ЦИОГНИС», 2018. 238 с.
50. Щербаков Ю. В., Щербаков М. Ю. Позиции Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по вопросу реформирования Организации Объединенных Наций: краткий сравнительный анализ // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2016. № 12 (30). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/4018>.
51. Abi-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // *Chinese Journal of International Law*. 2002. № 1. Pp. 305–314.
52. Argonaut Conference. January-February 1945. Papers and Minutes of Meetings. Edited and Published by the Office, U.S. Secretary of the Combined Chiefs of Staff. 355 p. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta>.
53. Bennett G. What's the Context? 4 February 1945: the Yalta Conference opens. 4 February 2015. URL: <https://history.blog.gov.uk/2015/02/04/whats-the-context-4-february-1945-the-ylta>.
54. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22, № 1. Pp. 38–52.
55. Bianchi A. Assessing the Effectiveness of the UN Security Council's Anti-terrorism Measures: The Quest for Legitimacy and Cohesion // *The European Journal of International Law*. 2006. Vol. 17, № 5. Pp. 881–919.
56. Cassese A. *International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 560 p.
57. Consideration of the provisions of Chapter VII of the Charter (2000 – 2003) // *Actions with Respect to Threats to the Peace, Breaches of the Peace, and Acts of Aggression. Repertoire of the Practice of the Security Council*. URL: https://www.un.org/en/sc/repertoire/2000-2003/00-03_11.pdf#page=5.
58. Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2012. 533 p.
59. Dr. Leo Pasvolsky of U. N. Fame; Economist, Ex-Aide at State Department Wrote Charter of World Organization // *New York Times*. 1953. May 7. URL: <https://www.nytimes.com/1953/05/07/archives/dr-leo-pasnolsky-of-u-n-fai-ie-econo>

63. Fassbender B., Peters A. Towards a Global History of International Law. *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by B. Fassbender, A. Peters. Oxford University Press, 2013. 1272 p. (In Eng.).
64. Grewe W. G. The Epochs of International Law. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p. (In Eng.).
65. Guzman A. T., Meyer T. L. International Soft Law. *Journal of Legal Analysis*. 2011. Vol. 2. Issue 1. Pp. 171–225. (In Eng.).
66. Harbutt F. J. Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p. (In Eng.).
67. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p. (In Eng.).
68. Higgins R. The United Nations at 70 Years: The Impact upon International Law. *International and Comparative Law Quarterly*. 2016. Vol. 65. Issue 1. Pp. 1–19. (In Eng.).
69. Hilderbrand R. C. Dumbarton Oaks: the Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. University of North Carolina Press. Chapel Hill, London, 1990. 320 p. (In Eng.).
70. Hirsch F. Soviet Judgment at Nuremberg: a New History of the International Military Tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p. (In Eng.).
71. Hudson M. O. Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907. *The American Journal of International Law*. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/present-status-of-the-hague-conventions-of-1899-and-1907/7D64970386859B83589567000B3491B6>. DOI: 10.2307/2189634. (In Eng.).
72. Hurd I. The UN Security Council and the International Rule of Law. *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. Issue 3. Pp. 361–379. (In Eng.).
73. Kennedy D. The Sources of International Law. *American University International Law Review*. 1987. Issue 1. Pp. 1–96. (In Eng.).
74. Mälksoo L. Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory. *The Oxford Handbook of the Sources of International Law*. Ed. by J. d'Aspremont, S. Besson. Oxford University Press, 2017. Pp. 146–162. (In Eng.).

75. Mazower M. No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p. (In Eng.).
76. McKeown A. Periodizing Globalization. *History Workshop Journal*. 2007. Issue 63(1). Pp. 218–230. (In Eng.).
77. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p. (In Eng.).
78. O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute. *Journal of International Criminal Justice*. 2012. Issue 10 (1). Pp. 189–207. (In Eng.).
79. Ostrower G. B. The League of Nations from 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park, New York, 1996. 176 p. (In Eng.).
80. Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One. Ed. by R. Lesaffer. Cambridge University Press, 2004. 488 p. (In Eng.).
81. Plesch D. 'America, Hitler and the UN': Panel Discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription. (In Eng.).
82. Plesch D. America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged a Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. Available at: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf. (In Eng.).
83. Plokhy S. I. Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p. (In Eng.).
84. Priemel K. C. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p. (In Eng.).
85. Reisman M. W. The Concept and Functions of Soft Law in International Politics. *Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias*. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. 1992. Pp. 101–145. (In Eng.).
86. Renaut M.-H. Histoire du droit international public. Paris: Ellipses, Mise au point, 2007. 190 p. (In Fr.).
87. Reynolds G. From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p. (In Eng.).
88. Schlesinger S. C. Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Enemies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p. (In Eng.).

- mist-exaide-at-state-department.html?sq=pasvol-sky&scp=1&st=p.
60. Druzin B. H. Why does Soft Law Have any Power Anyway? // *Asian Journal of International Law*. 2017. № 1. Pp. 361–378. DOI: 10.1017/S2044251316000229.
61. Dykmann K. On the Origins of the United Nations: When and How Did it Begin? // *Journal of International Organizations Studies*. 2012. № 3. Pp. 79–84.
62. Farkhutdinov I. The Mysterious and Obvious in American Diplomacy: From Monroe to Trump. Cambridge Scholars Publishing, 2020. 505 p.
63. Fassbender B., Peters A. Towards a Global History of International Law // *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Ed. by Bardo Fassbender and Anne Peters. Oxford: Oxford University Press, 2013. 1272 p.
64. Grewe W. G. The Epochs of International Law. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2000. 802 p.
65. Guzman A. T. and Meyer T. L. International soft law // *Journal of Legal Analysis*. 2011. Vol. 2, № 1. Pp. 171–225.
66. Harbutt F. J. Yalta 1945: Europe and America at the crossroads. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 438 p.
67. Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. New York: Oxford University Press, 1994. 274 p.
68. Higgins R. The United Nations at 70 years: The impact upon international law // *International and comparative law quarterly*. Cambridge, 2016. Vol. 65, № 1. Pp. 1–19.
69. Hilderbrand R. C. Dumbarton Oaks: the origins of the United Nations and the search for postwar security. University of North Carolina Press. Chapel Hill. London, 1990. 320 p.
70. Hirsch F. Soviet judgment at Nuremberg: a new history of the international military tribunal after World War II. New York: Oxford University Press, 2020. 536 p.
71. Hudson M. O. Present Status of the Hague Conventions of 1899 and 1907 // *The American Journal of International Law*. 1931. Vol. 25. Pp. 114–117. DOI: 10.2307/2189634.
72. Hurd I. The UN Security Council and the International Rule of Law // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7, № 3. Pp. 361–379.
73. Kennedy D. The Sources of International Law // *American University International Law Review*. 1987. № 1. Pp. 1–96.

74. Mälksoo L. Sources of International Law in the 19th Century. Insights from Practice and Theory // *The Oxford Handbook on the Sources of International Law*. OUP: J. d'Aspremont, S. Besson, 2017. Pp. 146–162.
75. Mazower M. No Enchanted Palace. The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2009. 203 p.
76. McKeown A. Periodizing Globalization // *History Workshop J*. 2007. № 63(1). Pp. 218–230.
77. Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York: Random House Trade Paperbacks, 2004. 512 p.
78. O'Connell M. E., Niyazmatov M. What is Aggression? Comparing the Jus ad Bellum and the ICC Statute // *J. Int. Criminal Justice*. 2012. № 10(1). Pp. 189–207.
79. Ostrower G. B. The League of Nations From 1919 to 1929 (Partners for Peace). Garden City Park. New York, 1996. 176 p.
80. Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War one. Ed. by Lesaffer R. Cambridge University Press, 2004. 488 p.
81. Plesch D. «America, Hitler and the UN» panel discussion at International Peace Institute. March 22, 2011. Transcription.
82. Plesch D. America, Hitler and the UN: How the Allies Won World War II and Forged A Peace. London: I. B. Tauris, 2011. 250 p. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2011/03/pdfs_transcript-march22-america-hitler-un.pdf.
83. Plokhy S.I. Yalta: The Price of Peace. Penguin Books, 2011. 451 p.
84. Priemel K.C. The Betrayal: The Nuremberg Trials and German Divergence. Oxford: Oxford University Press, 2016. 496 p.
85. Reisman M. W. The Concept and Functions of Soft Law in International Politics // *Essays in Honour of Judge Taslim Olawale Elias*. 1992. Vol. I. Contemporary International Law and Human Rights. Pp. 101–145.
86. Renaut M.-H. Histoire du droit international public. Paris. Ellipses. Mise au point, 2007. 190 p.
87. Reynolds G. From World War to Cold War. Oxford University Press, 2006. 374 p.
88. Schlesinger S. C. Act Of Creation: The Founding of the United Nations: A Story of Superpowers, Secret Agents, Wartime Allies and Ene-

89. *Show M. N.* International Law. Sixth edition. New York: Cambridge University Press, 2008. 1710 p. (In Eng.).

90. *Silverburg S. R., Alshdaifat S.* ‘Strategic Chaos’: The Role of International Law. *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 2. Issue 8. Pp. 736–743. (In Eng.).

91. *Simon H.* The Myth of *Liberum Ius ad Bellum*: Justifying War in 19th-Century Legal Theory and Political Practice. *The European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29. Issue 1. Pp. 113–136. (In Eng.).

92. *Stromseth J.* The Security Council’s Counter-Terrorism Role: Continuity and Innovation. *American Society of International Law*. 2003. Issue 97. Pp. 41–45. (In Eng.).

Информация об авторах:

Н. А. Чернядьева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия
295000, Россия, г. Симферополь, ул. Павленко, 5

ORCID: 0000-0003-2222-1886

ResearcherID: G-8772-2013

Ю. В. Васильева, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой трудового и международного права

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-8010-340X

ResearcherID: F-7864-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-329-336
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477

93. *Sunstein C. R.* Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1, 1994. 113 p. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>. (In Eng.).

94. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M., 1938–1945. Cassell, 1971. G. P. Putnam’s Sons; 1st ed. 881 p. (In Eng.).

95. United Nations Peacekeeping Helps Countries Torn by Conflict Create Conditions for Lasting Peace. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>. (In Eng.).

96. *Werle G.* Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p. (In Eng.).

About the authors:

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice

5, Pavlenko st., Simferopol, 295000, Russia

ORCID: 0000-0003-2222-1886

ResearcherID: G-8772-2013

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-8010-340X

ResearcherID: F-7864-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-329-336
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477

mies, and Their Quest for a Peaceful World. Westview Press, 2004. 374 p.

89. *Show M. N.* International Law. Sixth edition. Cambridge University Press. The Edinburgh Building, Cambridge. UK. Published in the United States of America by Cambridge University Press, New York, 2008. 1710 p.

90. *Silverburg S.R., Alshdaifat Sh.* «Strategic Chaos»: The Role of International Law // *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. 2017. Vol. 2, № 8. Pp. 736–743.

91. *Simon H.* The Myth of *Liberum Ius ad Bellum*: Justifying War in 19th-Century Legal Theory and Political Practice // *The European Journal of International Law*. 2018. Vol. 29, № 1. Pp. 113–136.

92. *Stromseth J.* The Security Council’s Counter-Terrorism Role: Continuity and Innova-

tion // *American Society of International Law*. 2003. № 97. Pp. 41–45.

93. *Sunstein C. R.* Political Conflict and Legal Agreement (December 1, 1994). The Tanner Lectures on Human Values, Delivered at Harvard University, November 29 and 30 and December 1, 1994. 113 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2544359>.

94. *The Diaries* of Sir Alexander Cadogan. O. M., 1938–1945. Cassell, 1971. G. P. Putnam’s Sons; 1-st edition. 881 p.

95. *United Nations* Peacekeeping helps countries torn by conflict create conditions for lasting peace. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/what-is-peacekeeping>.

96. *Werle G.* Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press, 2009. 658 p.

About the authors:

N. A. Cherniadeva

Crimean Branch of the Russian State University of Justice

5, Pavlenko st., Simferopol, 295000, Russia

ORCID: 0000-0003-2222-1886

ResearcherID: G-8772-2013

Yu. V. Vasilyeva

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-8010-340X

ResearcherID: F-7864-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-216–225
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-33-329-336
DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477